

[1] Πάντα τὰ ὄντα τῷ ἐνὶ ἔστιν ὄντα, ὅσα τε πρῶτως ἔστιν ὄντα, καὶ ὅσα ὁπωσοῦν λέγεται ἐν τοῖς οὖσιν εἶναι.

Τί γὰρ ἂν καὶ εἴη, εἰ μὴ ἐν εἴη; Ἐπείπερ ἀφαιρεθέντα τοῦ ἐν ὁ λέγεται οὐκ ἔστιν ἐκεῖνα.

Οὔτε γὰρ στρατός ἔστιν, εἰ μὴ ἐν ἔσται, οὔτε χορὸς οὔτε ἀγέλη μὴ ἐν ὄντα.

Ἀλλ' οὐδὲ οἰκία ἢ ναῦς τὸ ἐν οὐκ ἔχοντα, ἐπείπερ ἡ οἰκία ἐν καὶ ἡ ναῦς, ὃ εἰ ἀποβάλῃ, οὔτ' ἂν ἡ οἰκία ἔτι οἰκία οὔτε ἡ ναῦς.

Τὰ τοίνυν συνεχῇ μεγέθῃ, εἰ μὴ τὸ ἐν αὐτοῖς παρείη, οὐκ ἂν εἴη τμηθέντα γοῦν, καθόσον τὸ ἐν ἀπόλλυσιν, ἀλλάσσει τὸ εἶναι.

Καὶ δὴ καὶ τὰ τῶν φυτῶν καὶ ζώων σώματα ἐν ὄντα ἕκαστα εἰ φεύγοι τὸ ἐν εἰς πλῆθος θρυπτόμενα, τὴν οὐσίαν αὐτῶν, ἣν εἶχεν, ἀπώλεσεν οὐκέτι ὄντα ἃ ἦν, ἀλλὰ δὲ γενόμενα καὶ ἐκεῖνα, ὅσα ἐν ἔστι.

Καὶ ἡ ὑγίεια δέ, ὅταν εἰς ἐν συνταχθῇ τὸ σῶμα, καὶ κάλλος, ὅταν ἡ τοῦ ἐνὸς τὰ μόρια κατάσχη φύσις· καὶ ἀρετὴ δὲ ψυχῆς, ὅταν εἰς ἐν καὶ εἰς μίαν ὁμολογίαν ἐνωθῇ.

Ἄρ' οὖν, ἐπεὶ ψυχὴ τὰ πάντα εἰς ἐν ἄγει δημιουργοῦσα καὶ πλάττουσα καὶ μορφοῦσα καὶ συντάττουσα, ἐπὶ ταύτην ἐλθόντας δεῖ λέγειν, ὡς αὕτη τὸ ἐν χορηγεῖ καὶ αὕτη ἔστι τὸ ἐν;

Ἦ ὥσπερ τὰ ἄλλα χορηγοῦσα τοῖς σώμασιν οὐκ ἔστιν αὕτη ὃ δίδωσιν,

1. Все сущие суть сущие благодаря единому, как те, кои суть первоначально сущие, так и те, о коих как-то сказывается, что они суть среди сущих.

Ибо чем бы они и могли быть, если бы не являли собой единое? Ведь, лишившись единства, кое сказывается о них, они не суть те же.

Ибо нет ни войска, если оно не будет единым, ни хоровода, ни стада, не являющих собой единое. Но нет и дома или корабля, не обладающих единством, так как и дом — единое, и корабль; если они утрачивают его, то дом уже не дом и корабль не корабль.

Затем, непрерывных величин, если бы им не было присуще единство, не было бы, по крайней мере, если они разделены, они настолько, насколько утрачивают единство, меняют бытие.

Ну а также тела растений и животных (каждое из которых есть единое), если они избегают единства, раздробляясь во множество, свою сущность, коей обладали, утрачивают, уже не будучи теми, какими были, а став другими, да и теми, насколько являют собой единое.

Есть и здоровье, когда тело сопряжено воедино, и красота, когда природа единого сочленяет части; есть и добродетель души, когда та сведена воедино и в единое согласие.

Неужели, поскольку душа все приводит к единому, творя, и выделявая, и придавая форму, и сопрягая, следует, дойдя до нее, говорить, что она сама оделяет единым и она сама есть единое?

Либо следует считать, что как, оделяя тела другим, она не есть то,

οἷον μορφὴ καὶ εἶδος, ἀλλ' ἕτερα αὐτῆς, οὕτω χρῆ, εἰ καὶ ἐν δίδωσιν, ἕτερον ὃν αὐτῆς νομίζειν αὐτὴν δίδοναι καὶ πρὸς τὸ ἐν βλέπουσαν ἐν ἑκάστον ποιεῖν, ὥσπερ καὶ πρὸς ἄνθρωπον ἄνθρωπον, συλλαμβάνουσιν μετὰ τοῦ ἀνθρώπου τὸ ἐν αὐτῷ ἐν. Τῶν γὰρ ἐν λεγομένων οὕτως ἑκαστόν ἐστιν ἐν, ὡς ἔχει καὶ ὃ ἐστιν, ὥστε τὰ μὲν ἦττον ὄντα ἦττον ἔχειν τὸ ἐν, τὰ δὲ μᾶλλον μᾶλλον. Καὶ δὴ καὶ ψυχὴ ἕτερον οὖσα τοῦ ἐνὸς μᾶλλον ἔχει κατὰ λόγον τοῦ μᾶλλον καὶ ὄντως εἶναι τὸ μᾶλλον ἐν.

Οὐ μὴν αὐτὸ τὸ ἐν· ψυχὴ γὰρ μία καὶ συμβεβηκός πως τὸ ἐν, καὶ δύο ταῦτα ψυχὴ καὶ ἐν, ὥσπερ σῶμα καὶ ἐν.

Καὶ τὸ μὲν διεστηκός, ὥσπερ χορός, πορρωτάτω τοῦ ἐν, τὸ δὲ συνεχές ἐγγυτέρω· ψυχὴ δὲ ἔτι μᾶλλον κοινωνοῦσα καὶ αὐτῇ.

Εἰ δ' ὅτι ἄνευ τοῦ ἐν εἶναι οὐδ' ἂν ψυχὴ εἴη, ταύτῃ εἰς ταυτόν τις ἄγει ψυχὴν καὶ τὸ ἐν, πρῶτον μὲν καὶ τὰ ἄλλα <ἄ> ἐστιν ἑκαστα μετὰ τοῦ ἐν εἶναί ἐστιν· ἀλλ' ὅμως ἕτερον αὐτῶν τὸ ἐν - οὐ γὰρ ταυτόν σῶμα καὶ ἐν, ἀλλὰ τὸ σῶμα μετέχει τοῦ ἐν - ἔπειτα δὲ πολλή ἢ ψυχὴ καὶ ἢ μία καὶ εἰ μὴ ἐκ μερῶν· πλεῖσται γὰρ δυνάμεις ἐν αὐτῇ, λογίζεσθαι, ὀρέγεσθαι, ἀντιλαμβάνεσθαι, ἃ τῷ ἐνὶ ὥσπερ δεσμῷ συνέχεται.

что дается ею, например форма и «вид», но они отличны от нее, так же, хотя она и дает единое, она дает его как отличное от нее и, взирая на единое, делает единым каждое сущее, как и, взирая на <человека>, делает человеком,

соединяя с человеком единое в <нем>. Ибо из называемых единым каждое есть единое так же, как обладает и тем, что оно есть, так что сущие в меньшей степени в меньшей степени обладают единством, а сущие в большей степени — в большей.

Ну а также душа, будучи чем-то отличным от единого, обладает большим единством в соответствии с большим и подлинным бытием.

Однако она — не само единое; ибо душа едина и единое как-то привходяще к ней, и они, душа и единое, — двоица, как тело и единое.

И то, что разделено, как, например, хоровод, наиболее далеко от единого, а то, что непрерывное, более близко к нему, душа же близка еще более, приобщаясь к нему и сама.

Но если потому, что без бытия единым она не была бы душой, посему кто-либо сводит душу и единое к одному и тому же, то: прежде всего, и каждое из других сущих есть то, что оно есть, вместе с бытием единым, но все-таки единое отлично от них (ибо тело и единое — не одно и то же, но тело причастно единому); а затем, множественна душа, даже та, которая едина, пусть даже она и не состоит из частей; ибо весьма много способностей в ней: рассуждение, стремление, восприятие, кои единым, как цепью, удерживаются вместе.

Ἐπάγει μὲν δὴ ψυχὴ τὸ ἐν ἐν οὐσα καὶ αὐτὴ ἄλλω· πάσχει δὲ τοῦτο καὶ αὐτὴ ὑπ' ἄλλου.	Итак, душа, будучи и сама единым благодаря другому, наделяет единством; но и сама испытывает его от другого.
[2] Ἀρ' οὖν ἐκάστω μὲν τῶν κατὰ μέρος ἐν οὐ ταῦτὸν ἢ οὐσία αὐτοῦ καὶ τὸ ἐν, ὅλω δὲ τῷ ὄντι καὶ τῇ οὐσίᾳ ταῦτὸν ἢ οὐσία καὶ τὸ ὄν καὶ τὸ ἐν; Ὅστε τὸν ἐξευρόντα τὸ ὄν ἐξευρηκέναι καὶ τὸ ἐν, καὶ αὐτὴν τὴν οὐσίαν αὐτὸ εἶναι τὸ ἐν· οἶον, εἰ νοῦς ἢ οὐσία, νοῦν καὶ τὸ ἐν εἶναι πρῶτως ὄντα ὄν καὶ πρῶτως ἐν, μεταδιδόντα δὲ τοῖς ἄλλοις τοῦ εἶναι οὕτως καὶ κατὰ τοσοῦτον καὶ τοῦ ἐνός. Τί γὰρ ἂν τις καὶ παρ' αὐτὰ εἶναι αὐτὸ φῆσαι; Ἡ γὰρ ταῦτὸν τῷ ὄντι - ἄνθρωπος γὰρ καὶ εἷς ἄνθρωπος ταῦτόν - ἢ οἶον ἀριθμός τις ἐκάστου, ὥσπερ εἰ δύο τινὰ ἔλεγες, οὕτως ἐπὶ μόνου τινὸς τὸ ἐν. Εἰ μὲν οὖν ὁ ἀριθμὸς τῶν ὄντων, δῆλον ὅτι καὶ τὸ ἐν· καὶ ζητητέον τί ἐστίν. Εἰ δὲ ψυχῆς ἐνέργημα τὸ ἀριθμεῖν ἐπεξιούσης, οὐδὲν ἂν εἴη ἐν τοῖς πράγμασι τὸ ἐν. Ἀλλ' ἔλεγεν ὁ λόγος, εἰ ἀπολεῖ ἕκαστον τὸ ἐν, μὴδ' ἔσεσθαι τὸ παράπαν. Ὅρᾳν οὖν δεῖ, εἰ ταῦτὸν τὸ ἐν ἕκαστον καὶ τὸ ὄν, καὶ τὸ ὅλως ὄν καὶ τὸ ἐν. Ἀλλ' εἰ τὸ ὄν τὸ ἐκάστου πλήθος ἐστι, τὸ δὲ ἐν ἀδύνατον πλήθος εἶναι, ἕτερον ἂν εἴη ἑκάτερον.	2. Ну неужели для каждого из тех, кои порознь — единое, не одно и то же его сущность и единое, а для целокупных сущего и сущности одно и то же сущность, сущее и единое? Так что отыскавшим сущее отыскано и единое, и сама сущность есть само единое: например, если сущность — ум, то и единое есть ум, являющий собой первоначально сущее и первоначально единое и дающий другим участвовать как в бытии, так и настолько же—в едином. Ибо сказал ли бы кто-нибудь, что есть оно помимо них¹? Ведь или оно тождественно сущему (ибо человек и один человек — одно и то же ²), или оно как какое-то число каждого сущего, если как ты говорил “какие-то два”, так и о каком-то одном говоришь “единое”. Так вот, если число — среди сущих, то ясно, что и единое; и должно исследовать, что оно есть. Если же число — действие души, производящей счисление, то в вещах не было бы никакого единства. Но довод гласил: если любое сущее утрачивает единство, то его и не будет вовсе³. Так вот, нужно рассмотреть, одно ли и то же каждое единое и сущее, а также целокупно сущее и единое. Но если сущее каждого есть множество, а единому невозможно быть множеством, то одно было бы отличным от другого.

Ἄνθρωπος γοῦν καὶ ζῶον καὶ λογικὸν καὶ πολλὰ μέρη καὶ συνδεῖται ἐνὶ τὰ πολλὰ ταῦτα· ἄλλο ἄρα ἄνθρωπος καὶ ἓν, εἰ τὸ μὲν μεριστόν, τὸ δὲ ἀμερές. Καὶ δὴ καὶ τὸ ὅλον ὃν πάντα ἐν αὐτῷ ἔχον τὰ ὄντα πολλὰ μᾶλλον ἢ εἶναι καὶ ἕτερον τοῦ ἐνός, μεταλήψει δὲ ἔχον καὶ μεθέξει τὸ ἓν. Ἔχει δὲ καὶ ζωὴν [καὶ νοῦν] τὸ ὄν· οὐ γὰρ δὴ νεκρόν· πολλὰ ἄρα τὸ ὄν. Εἰ δὲ νοῦς τοῦτο εἶναι, καὶ οὕτω πολλὰ ἀνάγκη εἶναι. Καὶ ἔτι μᾶλλον, εἰ τὰ εἶδη περιέχοι· οὐδὲ γὰρ ἡ ἰδέα ἓν, ἀλλ' ἀριθμὸς μᾶλλον καὶ ἐκάστη καὶ ἡ σύμπασα, καὶ οὕτως ἓν, ὥσπερ ἂν εἶναι ὁ κόσμος ἓν. Ὅλως δὲ τὸ μὲν ἓν τὸ πρῶτον, ὃ δὲ νοῦς καὶ τὰ εἶδη καὶ τὸ ὄν οὐ πρῶτα. Εἰδὸς τε γὰρ ἕκαστον ἐκ πολλῶν καὶ σύνθετον καὶ ὑστερον· ἐξ ὧν γὰρ ἕκαστόν ἐστι, πρότερα ἐκείνα. Ὅτι δὲ οὐχ οἷόν τε τὸν νοῦν τὸ πρῶτον εἶναι καὶ ἐκ τῶνδε δῆλον ἔσται· τὸν νοῦν ἀνάγκη ἐν τῷ νοεῖν εἶναι καὶ τὸν γε ἄριστον καὶ τὸν οὐ πρὸς τὸ ἔξω βλέποντα νοεῖν τὸ πρὸ αὐτοῦ· εἰς αὐτὸν γὰρ ἐπιστρέφων εἰς ἀρχὴν ἐπιστρέφει. Καὶ εἰ μὲν αὐτὸς τὸ νοοῦν καὶ τὸ νοούμενον, διπλοῦς ἔσται καὶ οὐχ ἀπλοῦς οὐδὲ τὸ ἓν· εἰ δὲ πρὸς ἕτερον βλέπει, πάντως πρὸς τὸ κρεῖττον καὶ πρὸ αὐτοῦ.	По крайней мере, “человек”, и “живое существо”, и “разумное” и суть многие части, и эти многие связаны единым; следовательно, человек и единое различны, если он — делимое, а оно — нераздельное. Ну а также целокупное сущее, имеющее в себе все сущие, в еще большей степени было бы многим и отличным от единого, но обладающим единством по приобщению и причастности. К тому же сущее обладает и жизнью, ибо оно, конечно, не труп; следовательно, сущее — многое. А если оно — ум, то и так ему необходимо быть многим. И в еще большей степени, если оно объемлет эйдосы; ибо идея, как каждая, так и идея совокупная, — и не единое, а, скорее, число, и единое так же, как мир может являть собой единое. В целом же, единое — первое, а ум, и эйдосы, и сущее — не первые. Ибо каждый эйдос — и из многого, и составное, и последующее; ведь те, из коих состоит каждое составное, — предшествующие. А что уму невозможно быть первым, будет ясно и из следующего: уму необходимо пребывать в мышлении и уму-то наилучшему и не взирающему на то, что вовне, — мыслить то, что прежде него; ибо, обращаясь к самому себе, он обращается к началу. И если он сам — мыслящее и мыслимое, то он будет двойственным и не простым, и не есть единое; если же он взирает на иное, то непременно на то, что лучше и прежде него самого;
--	--

Εἰ δὲ καὶ πρὸς αὐτὸν καὶ πρὸς τὸ κρεῖττον, καὶ οὕτως δεύτερον. Καὶ χρὴ τὸν νοῦν τοιοῦτον τίθεσθαι, οἷον παρεῖναι μὲν τῷ ἀγαθῷ καὶ τῷ πρώτῳ καὶ βλέπειν εἰς ἐκείνον, συνεῖναι δὲ καὶ ἑαυτῷ νοεῖν τε καὶ ἑαυτὸν καὶ νοεῖν ἑαυτὸν ὄντα τὰ πάντα. Πολλοῦ ἄρα δεῖ τὸ ἐν εἶναι ποικίλον ὄντα. Οὐ τοίνυν οὐδὲ τὸ ἐν τὰ πάντα ἔσται, οὕτω γὰρ οὐκέτι ἐν εἴη· οὐδὲ νοῦς, καὶ γὰρ ἂν οὕτως εἴη τὰ πάντα τοῦ νοῦ τὰ πάντα ὄντος· οὐδὲ τὸ ὄν· τὸ γὰρ ὄν τὰ πάντα.	а если — и на самого себя, и на то, что лучше него, то и так он — второе. И нужно полагать ум таковым, что хотя он предстоит благу и первому и взирает на того, но соприсутствует и самому себе, мыслит и самого себя, и мыслит самого себя являющим собой все. Следовательно, ему, являющему собой разнообразное, многого недостает, чтобы являть собой единое. Итак, единое не будет ни всем, ибо так оно уже не было бы единым; ни умом, ибо так оно было бы всем, поскольку ум есть все; ни сущим, ибо сущее — все.
[3] Τί ἂν οὖν εἴη τὸ ἐν καὶ τίνα φύσιν ἔχον; Ἦ οὐδὲν θαυμαστὸν μὴ ῥάδιον εἰπεῖν εἶναι, ὅπου μὴδὲ τὸ ὄν ῥάδιον μὴδὲ τὸ εἶδος· ἀλλ' ἔστιν ἡμῖν γινῶσις εἶδεσιν ἐπερειδομένη. Ὅσῳ δ' ἂν εἰς ἀνείδεον ἢ ψυχὴ ἦ, ἐξαδυνατοῦσα περιλαβεῖν τῷ μὴ ὀρίζεσθαι καὶ οἷον τυποῦσθαι ὑπὸ ποικίλου τοῦ τυποῦντος ἐξολισθάνει καὶ φοβεῖται, μὴ οὐδὲν ἔχη. Διὸ κάμνει ἐν τοῖς τοιοῦτοις καὶ ἀσμένῃ καταβαίνει πολλάκις ἀποπίπτουσα ἀπὸ πάντων, μέχρις ἂν εἰς αἰσθητὸν ἦκη ἐν στερεῷ ὥσπερ ἀναπαυομένη· οἷον καὶ ἡ ὄψις κάμνουσα ἐν τοῖς μικροῖς τοῖς μεγάλοις ἀσμένως περιπίπτει. Καθ' ἑαυτὴν δὲ ἡ ψυχὴ ὅταν ἰδεῖν ἐθέλῃ, μόνον ὀρῶσα τῷ συνεῖναι καὶ ἐν οὔσα τῷ ἐν εἶναι αὐτῷ οὐκ	3. Так чем же могло бы быть единое и какую природу имеющим? Нет ничего удивительного, что означить это нелегко, коль скоро ни сущее легко не обозначишь, ни эйдос; однако наше познание является опирающимся на эйдосы. А насколько ни продвинется к безвидному душа, бессильная объять его (ибо она не определяется и как бы не получает впечатления от разнообразного впечатляющего), она поскальзывается и боится, как бы не оказаться ничего не имеющей. Вот почему она утомляется среди таких предметов и часто, отпадая от всех них, с охотой нисходит, пока не дойдет до чувственного, будто на твердом отдыхая тут, как и взгляд, утомляясь среди малых предметов, охотно падает на большие. Но когда единое пожелает сама по себе узреть душа, зрящая только потому, что соприсутствует ему, и являющая собой единое с ним, то,

οἶταί πω ἔχειν ὁ ζητεῖ, ὅτι τοῦ νοουμένου μὴ ἕτερόν ἐστιν.

Ὅμως δὴ χρὴ οὕτως ποιεῖν τὸν μέλλοντα περὶ τὸ ἐν φιλοσοφῆσειν.

Ἐπεὶ τοίνυν ἐν ἐστὶν ὁ ζητοῦμεν, καὶ τὴν ἀρχὴν τῶν πάντων ἐπισκοποῦμεν, τὰ γὰρ καὶ τὸ πρῶτον, οὔτε πόρρω δεῖ γενέσθαι τῶν περὶ τὰ πρῶτα εἰς τὰ ἔσχατα τῶν πάντων πεσόντα, ἀλλ' ἰέμενον εἰς τὰ πρῶτα ἐπαναγαγεῖν ἑαυτὸν ἀπὸ τῶν αἰσθητῶν ἐσχάτων ὄντων, κακίας τε πάσης ἀπηλλαγμένον εἶναι ἅτε πρὸς τὸ ἀγαθὸν σπεύδοντα γενέσθαι, ἐπὶ τε τὴν ἐν ἑαυτῷ ἀρχὴν ἀναβεβηκέναι καὶ ἐν ἐκ πολλῶν γενέσθαι ἀρχῆς καὶ ἐνὸς θεατὴν ἐσόμενον.

Νοῦν τοίνυν χρὴ γενόμενον καὶ τὴν ψυχὴν τὴν αὐτοῦ νῶ πιστεύσαντα καὶ ὑφιδρύσαντα, ἵν' ἃ ὁρᾷ ἐκεῖνος ἐγρηγορυῖα δέχοιτο, τούτῳ θεᾶσθαι τὸ ἐν οὐ προστιθέντα αἰσθησιν οὐδεμίαν οὐδέ τι παρ' αὐτῆς εἰς ἐκεῖνον δεχόμενον, ἀλλὰ καθαρῶ τῷ νῶ τὸ καθαρώτατον θεᾶσθαι καὶ τοῦ νοῦ τῷ πρῶτῳ.

Ὅταν τοίνυν ὁ ἐπὶ τὴν θεάν τοῦ τοιούτου ἐσταλμένος ἢ μέγεθος ἢ σχῆμα ἢ ὄγκον περὶ ταύτην τὴν φύσιν φαντασθῇ, οὐ νοῦς τούτῳ ἡγεμὼν γίνεται τῆς θεᾶς, ὅτι μὴ νοῦς τὰ τοιαῦτα πέφυκεν ὁρᾶν, ἀλλ' ἐστὶν αἰσθήσεως καὶ δόξης

поскольку она есть единое с ним, она думает, будто еще не имеет то, что ищет, так как она не есть отличное от мыслимого ею. Тем не менее нужно вот как поступать намеревающемуся философствовать о едином.

Итак, поскольку то, что мы ищем, есть единое и мы рассматриваем начало всех вещей, благо и первое, то негоже оказаться вдали от тех вещей, кои возле первых, пав до последних из всех, но стремящемуся к первым следует возносить себя прочь от чувственных, являющихся последними, и быть освобожденным от всякого зла, коль скоро следует стать поспешающим к благу, и возвыситься до начала в себе самом и из многого стать единым, коль скоро он будет созерцателем начала и единого.

Итак, ему нужно, став умом и душой свою вверив и подчинив уму, дабы она, пробудясь, принимала то, что зрит тот, им-то и созерцать единое, не присоединив ни одного чувствования и ничего от оногo не принимая в него-то, но созерцать чистейшее чистым умом и тем, что в уме первое.

Стало быть, когда приступивший к созерцанию вот такого воображает у этой природы или величину, или фигуру, или массу, не ум становится проводником ему в созерцании, потому что не уму прирождено видеть таковые, а это — деятельность чувствования и мнения, следующего за

ἐπομένης αἰσθήσει ἢ ἐνέργεια. Ἀλλὰ δεῖ λαβεῖν παρὰ τοῦ νοῦ τὴν ἐπαγγελίαν ὧν δύναται. Δύναται δὲ ὁρᾶν ὁ νοῦς ἢ τὰ πρὸ αὐτοῦ ἢ τὰ αὐτοῦ [ἢ τὰ παρ' αὐτοῦ]. Καθαρὰ δὲ καὶ τὰ ἐν αὐτῷ, ἔτι δὲ καθαρώτερα καὶ ἀπλούστερα τὰ πρὸ αὐτοῦ, μᾶλλον δὲ τὸ πρὸ αὐτοῦ. Οὐδὲ νοῦς τοίνυν, ἀλλὰ πρὸ νοῦ· τί γὰρ τῶν ὄντων ἐστὶν ὁ νοῦς· ἐκεῖνο δὲ οὐ τι, ἀλλὰ πρὸ ἐκάστου, οὐδὲ ὄν· καὶ γὰρ τὸ ὄν οἶον μορφήν τὴν τοῦ ὄντος ἔχει, ἄμορφον δὲ ἐκεῖνο καὶ μορφῆς νοητῆς. Γεννητικὴ γὰρ ἡ τοῦ ἐνὸς φύσις οὐσα τῶν πάντων οὐδὲν ἐστὶν αὐτῶν. Οὔτε οὖν τι οὔτε ποιὸν οὔτε ποσὸν οὔτε νοῦν οὔτε ψυχὴν· οὐδὲ κινούμενον οὐδ' αὖ ἐστῶς, οὐκ ἐν τόπῳ, οὐκ ἐν χρόνῳ, ἀλλ' αὐτὸ καθ' αὐτὸ μονοειδές, μᾶλλον δὲ ἀνειδέον πρὸ εἵδους ὃν παντός, πρὸ κινήσεως, πρὸ στάσεως· ταῦτα γὰρ περὶ τὸ ὄν, ἃ πολλὰ αὐτὸ ποιεῖ. Διὰ τί οὖν, εἰ μὴ κινούμενον, οὐχ ἐστῶς; Ὅτι περὶ μὲν τὸ ὄν τούτων θάτερον ἢ ἀμφοτέρω ἀνάγκη, τό τε ἐστῶς στάσει ἐστῶς καὶ οὐ ταῦτόν τῇ στάσει· ὥστε συμβήσεται αὐτῷ καὶ οὐκέτι ἀπλοῦν μενεῖ. Ἐπεὶ καὶ τὸ αἷτιον λέγειν οὐ κατηγορεῖν ἐστὶ συμβεβηκός τι αὐτῷ, ἀλλ' ἡμῖν, ὅτι ἔχομέν τι παρ'	чувствованием. Но от ума надлежит получать известие о тех предметах, о коих он может известить. Ум же может зреть или те, что его, или те, что прежде него. Чисты же и те, что в нем, но еще чище и проще те, что прежде него, а вернее, то, что прежде него. Стало быть, оно — и не ум, а прежде ума. Ибо ум есть нечто из сущих, "то" же—ни нечто, а прежде каждого нечто, ни сущее и ведь сущее имеет как бы форму сущего, "то" же бесформенно и даже без умопостигаемой формы. Ведь природа единого, будучи порождающей все сущие, не есть ни одно из них. Поэтому оно — ни нечто, ни "какое", ни "сколько", ни ум, ни душа; оно — и не движущееся, и опять-таки не покоящееся, не в месте, не во времени, а само по себе едино-видное⁴, а вернее, безвидное, будучи прежде всякого "вида", прежде движения, прежде покоя; ибо при сущем эти-то, кои делают его многим. Почему же, если "то" — не движущееся, то и не покоящееся? Потому, что каждое из этих обоих или же оба необходимо при сущем; да и покоящееся есть покоящееся благодаря покою и не тождественно покою; так что он будет привходящим к "самому" и оно уже не пребудет простым. Ведь и причиной называть его значит высказывать нечто привходящее не к нему, а к нам, потому что мы имеем нечто от него,
---	---

αὐτοῦ ἐκείνου ὄντος ἐν αὐτῷ· δεῖ δὲ μηδὲ τὸ "ἐκείνου" μηδὲ ὄντως λέγειν ἀκριβῶς λέγοντα, ἀλλ' ἡμᾶς οἷον ἔξωθεν περιθέοντας τὰ αὐτῶν ἐρμηνεύειν ἐθέλειν πάθη ὅτε μὲν ἐγγύς, ὅτε δὲ ἀποπίπτοντας ταῖς περὶ αὐτὸ ἀπορίαις.	тогда как "то" есть в самом себе; но, строго говоря, не следует говорить ни "то", ни "есть", однако мы, как бы извне обегая его, стремимся истолковывать свои опыты, то будучи близ него, то отпадая из-за затруднений касательно него.
[4] Γίνεται δὲ ἡ ἀπορία μάλιστα, ὅτι μηδὲ κατ' ἐπιστήμην ἢ σύνεσιν ἐκείνου μηδὲ κατὰ νόησιν, ὥσπερ τὰ ἄλλα νοητά, ἀλλὰ κατὰ παρουσίαν ἐπιστήμης κρείττονα. Πάσχει δὲ ἡ ψυχὴ τοῦ ἐν εἶναι τὴν ἀπόστασιν καὶ οὐ πάντῃ ἐστὶν ἐν, ὅταν ἐπιστήμην του λαμβάνῃ· λόγος γὰρ ἡ ἐπιστήμη, πολλὰ δὲ ὁ λόγος. Παρέρχεται οὖν τὸ ἐν εἰς ἀριθμὸν καὶ πλήθος πεσοῦσα. Ὑπὲρ ἐπιστήμην τοίνυν δεῖ δραμεῖν καὶ μηδαμῇ ἐκβαίνειν τοῦ ἐν εἶναι, ἀλλ' ἀποστῆναι δεῖ καὶ ἐπιστήμης καὶ ἐπιστητῶν καὶ παντὸς ἄλλου καὶ καλοῦ θεάματος. Πᾶν γὰρ καλὸν ὕστερον ἐκείνου καὶ παρ' ἐκείνου, ὥσπερ πᾶν φῶς μεθήμερινὸν παρ' ἡλίου. Διὸ οὐδὲ ῥητὸν οὐδὲ γραπτόν, φησιν, ἀλλὰ λέγομεν καὶ γράφομεν πέμποντες εἰς αὐτὸ καὶ ἀνεγείροντες ἐκ τῶν λόγων ἐπὶ τὴν θεάν ὥσπερ ὁδὸν δεικνύντες τῷ τι θεάσασθαι βουλομένῳ. Μέχρι γὰρ τῆς ὁδοῦ καὶ τῆς πορείας ἢ δίδαξις, ἢ δὲ θεὰ αὐτοῦ ἔργον ἤδη τοῦ ἰδεῖν βεβουλευμένου.	4. Затруднение же возникает особенно потому, что не благодаря науке постижение "того" и не благодаря мышлению, как — иного умопостигаемого, а благодаря присутствию, превосходящему науку. Душа же испытывает отстранение от бытия единым и не есть вполне единое, когда обретает научное знание чего-либо; ибо наука — понятие⁵, а понятие — многое. Итак, она минует единое, пав до числа и множества. Стало быть, следует подняться над наукой и никоим образом не отступать от бытия единым, но следует отстраниться и от науки, и от познаваемого ею, и от всякого другого, даже прекрасного, зрелища. Ибо все прекрасное — после "того" и от "того", как весь Дневной свет — от солнца. Вот почему "то", говорит⁶, и несказанное, и неписанное, но мы говорим и пишем, направляя к нему и пробуждая от рассуждений к созерцанию, как бы указывая путь решающемуся созерцать нечто. Ибо до пути и путешествия доходит научение, а созерцание — уже дело самого решившегося узреть.

Εἰ δὲ μὴ ἦλθέ τις ἐπὶ τὸ θέαμα, μηδὲ σύνεσιν ἔσχεν ἢ ψυχὴ τῆς ἐκεῖ ἀγλαΐας μηδὲ ἔπαθε μηδὲ ἔσχεν ἐν ἑαυτῷ οἷον ἐρωτικὸν πάθημα ἐκ τοῦ ἰδεῖν ἐραστοῦ ἐν ᾧ ἐρᾷ ἀναπαυσαμένου, δεξάμενος φῶς ἀληθινὸν καὶ πᾶσαν τὴν ψυχὴν περιφωτίσας διὰ τὸ ἐγγυτέρω γεγονέναι, ἀναβεβηκέναι δὲ ἔτι ὀπισθοβαρὴς ὑπάρχων, ἃ ἐμπόδια ἦν τῇ θεᾷ, καὶ οὐ μόνος ἀναβεβηκώς, ἀλλ' ἔχων τὸ διεῖργον ἀπ' αὐτοῦ, ἢ μήπω εἰς ἐν συναχθεῖς - οὐ γὰρ δὴ ἄπεστιν οὐδενὸς ἐκεῖνο καὶ πάντων δέ, ὥστε παρὼν μὴ παρεῖναι ἀλλ' ἢ τοῖς δέχεσθαι δυναμένοις καὶ παρεσκευασμένοις, ὥστε ἐναρμόσαι καὶ οἷον ἐφάψασθαι καὶ θίγειν ὁμοιότητι καὶ τῇ ἐν αὐτῷ δυνάμει συγγενεῖ τῷ ἀπ' αὐτοῦ· ὅταν οὕτως ἔχη, ὡς εἶχεν, ὅτε ἦλθεν ἀπ' αὐτοῦ, ἥδη δύναται ἰδεῖν ὡς πέφυκεν ἐκεῖνος θεατὸς εἶναι - εἰ οὖν μήπω ἐστὶν ἐκεῖ, ἀλλὰ διὰ ταῦτά ἐστιν ἔξω, ἢ δι' ἔνδειαν τοῦ παιδαγωγοῦντος λόγου καὶ πίστιν περὶ αὐτοῦ παρεχομένου, δι' ἐκεῖνα μὲν αὐτὸν ἐν αἰτίᾳ τιθέσθω, καὶ πειράσθω ἀποστὰς πάντων μόνος εἶναι, ἃ δὲ ἐν τοῖς λόγοις ἀπιστεῖ ἐλλείπων, ὧδε διανοεῖσθω.	Но если кто-либо не подступился к зрелищу и его душа не обрела постижения блеска, который там; и он ни испытал, ни обрел в самом себе как бы любовную страсть из узрения (как у любящего, Пред тем, кого он любит, нашедшего отдохновение), приняв свет истинный и озаривший всю душу благодаря тому, что стал к нему ближе, но будучи, пусть и возвысившись, еще утягиваемым назад тем, что было препятствующим созерцанию, и возвысившись не один, а имея нечто отделяющее его от "самого", или еще не собравшись воедино (ведь же "то" не отсутствует ни для одного и отсутствует, однако, для всех, так что, присутствуя, не присутствует, кроме как для могущих и готовых принять его так, чтобы приладиться и как бы прикоснуться и притронуться к нему благодаря подобию;⁷ и благодаря силе в себе, сродной тому, что идет от "самого", всякий раз как кто-либо бывает в том состоянии, в каком он был, когда изошел от "самого", он уже может узреть так, как "тому" свойственно быть зримым), — итак, если он еще не пребывает там, а пребывает вовне из-за этих препятствий или из-за недостатка рассуждения наставительного и придающего уверенность относительно "самого", то за те препятствия пусть он винит самого себя и пытается, отстранившись от всего, быть одним, а то, чему он не доверяет, упуская в рассуждениях, пусть он продумает вот так.
[5] Ὅστις οἶεται τὰ ὄντα τύχη καὶ τῷ αὐτομάτῳ διοικεῖσθαι καὶ σωματικαῖς συνέχεσθαι αἰτίαις, οὗτος πόρρω ἀπελήλαται καὶ θεοῦ καὶ ἐννοίας ἐνός, καὶ ὁ λόγος οὐ	5. Всякий, кто думает, что сущие управляются случаем и самопроизвольностью и удерживаются вместе телесными причинами, тот далеко отступил и от бога, и от мысли о едином, и

πρὸς τούτους, ἀλλὰ πρὸς τοὺς ἄλλην φύσιν παρὰ τὰ σώματα τιθεμένους καὶ ἀνιόντας ἐπὶ ψυχὴν.

Καὶ δὴ δεῖ τούτους φύσιν ψυχῆς κατανενοηκέναι τὰ τε ἄλλα καὶ ὡς παρὰ νοῦ ἔστι καὶ λόγου παρὰ τούτου κοιωνήσασα ἀρετὴν ἴσχει· μετὰ δὲ ταῦτα νοῦν λαβεῖν ἕτερον τοῦ λογιζομένου καὶ λογιστικοῦ καλουμένου, καὶ τοὺς λογισμοὺς ἤδη οἷον ἐν διαστάσει καὶ κινήσει, καὶ τὰς ἐπιστήμας λόγους ἐν ψυχῇ τὰς τοιαύτας ἐν φανερώ ἤδη γεγονυίας τῷ ἐν τῇ ψυχῇ γεγονέναι τὸν νοῦν τῶν ἐπιστημῶν αἴτιον.

Καὶ νοῦν ἰδόντα οἷον αἰσθητὸν τῷ ἀντιληπτὸν εἶναι ἐπαναβεβηκότα τῇ ψυχῇ καὶ πατέρα αὐτῆς ὄντα κόσμον νοητόν, νοῦν ἡσυχον καὶ ἀτρεμὴ κίνησιν φατέον πάντα ἔχοντα ἐν αὐτῷ καὶ πάντα ὄντα, πλῆθος ἀδιάκριτον καὶ αὐτὸ διακεκριμένον.

Οὐτε γὰρ διακέκριται ὡς οἱ λόγοι οἱ ἤδη καθ' ἐν νοούμενοι, οὐτε συγκέχυται τὰ ἐν αὐτῷ· πρόεισι γὰρ ἕκαστον χωρὶς· οἷον καὶ ἐν ταῖς ἐπιστήμας πάντων ἐν ἀμερεῖ ὄντων ὅμως ἔστιν ἕκαστον χωρὶς αὐτῶν.

Τοῦτο οὖν τὸ ὁμοῦ πλῆθος, ὁ κόσμος ὁ νοητός, ἔστι μὲν ὁ πρὸς τῷ πρώτῳ, καὶ φησιν αὐτὸ ὁ λόγος ἐξ ἀνάγκης εἶναι, εἴπερ τις καὶ ψυχὴν εἶναι, τοῦτο δὲ κυριώτερον

речь — не к таким, а к полагающим иную природу помимо тел и восходящим до души.

Ну а этим следует осмыслить природу души, а среди прочего и то, что она происходит от ума и, приобщившись⁸ к рассудку, который — от него, обладает добродетелью; вслед же за этим ум счесть отличным от того, что рассуждает и называется рассудочным, а рассуждения — тем, что уже как бы в разделении и движении, а научные знания — понятиями в душе, такими, что они уже оказались на виду, поскольку в душе оказался ум, виновник научных знаний.

И узрев ум как бы осязаемым, поскольку он воспринимаем возвышающимся над душой и являющим собой ее отца, умопостигаемый мир, должно считать ум покоящимся и неподвижным движением, имеющим в себе все и являющим собой все, множеством нераздельным и опять-таки разделенным. Ведь те, что в нем, ни разделены, как понятия, мыслимые уже по одному, ни смешаны, ибо каждое выступает отдельно; как и в науках хотя все знания пребывают в неделимом, тем не менее каждое из них пребывает отдельно.

Итак, это множество все вместе, умопостигаемый мир, есть то, что возле первого, и довод гласит, что оно с необходимостью есть, раз уж некий гласит, что и душа есть, а оно-то державнее души;

ψυχῆς· οὐ μέντοι πρῶτον, ὅτι ἐν
 μηδὲ ἀπλοῦν· ἀπλοῦν δὲ τὸ ἐν καὶ
 ἢ πάντων ἀρχή.
 Τὸ δὴ πρὸ τοῦ ἐν τοῖς οὐσι
 τιμιωτάτου, εἶπερ δεῖ τι πρὸ νοῦ
 εἶναι ἐν μὲν εἶναι βουλομένου, οὐκ
 ὄντος δὲ ἐν, ἐνοειδοῦς δέ, ὅτι αὐτῷ
 μηδὲ ἐσκέδασται ὁ νοῦς, ἀλλὰ
 σύνεστιν ἑαυτῷ ὄντως οὐ
 διαρτήσας ἑαυτὸν τῷ πλησίον
 μετὰ τὸ ἐν εἶναι, ἀποστηναι δέ πως
 τοῦ ἐνὸς τολμήσας - τὸ δὴ πρὸ
 τούτου θαῦμα τοῦ ἐν, ὃ μὴ ὄν
 ἐστίν, ἵνα μὴ καὶ ἐνταῦθα κατ'
 ἄλλου τὸ ἐν, ᾧ ὄνομα μὲν κατὰ
 ἀλήθειαν οὐδὲν προσῆκον, εἶπερ
 δὲ δεῖ ὀνομάσαι, κοινῶς ἂν λεχθὲν
 προσηκόντως ἐν, οὐχ ὡς ἄλλο,
 εἴτα ἐν, χαλεπὸν μὲν γνωσθῆναι
 διὰ τοῦτο, γιγνωσκόμενον δὲ
 μᾶλλον τῷ ἀπ' αὐτοῦ γεννήματι,
 τῇ οὐσίᾳ - καὶ ἄγει εἰς οὐσίαν
 νοῦς - καὶ αὐτοῦ ἢ φύσις τοιαύτη,
 ὡς πηγὴν τῶν ἀρίστων εἶναι καὶ
 δύναμιν γεννῶσαν τὰ ὄντα
 μένουσαν ἐν ἑαυτῇ καὶ οὐκ
 ἐλαττουμένην οὐδὲ ἐν τοῖς
 γινομένοις ὑπ' αὐτῆς οὐσαν. Ὅτι
 καὶ πρὸ τούτων, ὀνομάζομεν ἐν ἐξ
 ἀνάγκης τῷ σημαίνειν ἀλλήλοις
 αὐτὴν τῷ ὀνόματι εἰς ἔννοιαν
 ἀμέριστον ἄγοντες καὶ τὴν ψυχὴν
 ἐνοῦν θέλοντες, οὐχ οὕτως ἐν
 λέγοντες καὶ ἀμερές, ὡς σημεῖον ἢ
 μονάδα λέγοντες· τὸ γὰρ οὕτως ἐν
 ποσοῦ ἀρχαί, ὃ οὐκ ἂν ὑπέστη μὴ
 προοῦσης οὐσίας καὶ τοῦ πρὸ
 οὐσίας· οὐκ οὖν δεῖ ἐνταῦθα

однако оно — не первое, потому
 что не⁹ единое и не простое;
 единое же и начало всего —
 простое.
 Так вот, то, что прежде
 почтеннейшего среди сущих, раз
 уж должно быть нечто прежде ума,
 желающего быть единым, однако
 являющегося не единым, а
 единовидным, потому что сам по
 себе и не рассеян ум, но он
 действительно соприсутствует
 самому себе, не раздробив самого
 себя, поскольку он пребывает
 близко от единого, хотя дерзнул
 как-то отстраниться от единого, —
 так вот, то, что прежде него, чудо
 единого (которое не есть сущее,
 дабы и здесь “единое” не
 сказывалось относительно иного, и
 которому поистине не
 приличествует ни одно имя, а раз
 уж надобно наименовать его,
 прилично было бы быть названным
 просто “единым” и не так, что оно
 — иное, потом единое) трудно
 поэтому познать, познаваемо же
 оно, скорее, по его порождению —
 сущности (и ведет к сущности ум);
 и его природа такова, что она есть
 источник наилучшего и сила,
 порождающая сущие,
 пребывающая в самой себе и не
 иссякающая, и не присутствующая
 в происходящих от нее сущих. То,
 что и прежде этих, “единым” мы
 именуем поневоле (дабы друг для
 друга обозначать ее¹⁰, ведя чрез
 имя к неделимой мысли и стремясь
 воссоединить душу), называя
 единым и нераздельным не так, как
 мы называем точку или единицу;
 ибо те, что суть единое таким
 образом, — начала количества,
 которое бы не существовало, не
 будь прежде него сущности и того,
 что прежде сущности (итак, не
 нужно вперять сюда мысль);
 однако первые всегда подобны

βάλλειν τὴν διάνοιαν· ἀλλὰ ταῦτα ὁμοίως αἰεὶ ἐκείνοις ἐν ἀναλογίαις τῷ ἀπλῷ καὶ τῇ φυγῇ τοῦ πλήθους καὶ τοῦ μερισμοῦ.	последним в соответствиях по простоте и избеганию множества и деления.
[6] Πῶς οὖν λέγομεν ἓν, καὶ πῶς τῇ νοήσει ἐφαρμοστέον; Ἦ πλεόνως τιθέμενον ἐν ἧ ὡς μονὰς καὶ σημεῖον ἐνίζεται. Ἐνταῦθα μὲν γὰρ μέγεθος ἡ ψυχὴ ἀφελοῦσα καὶ ἀριθμοῦ πλήθος καταλήγει εἰς τὸ μικρότατον καὶ ἐπερείδεται τινὶ ἀμερεῖ μὲν, ἀλλὰ ὃ ἦν ἐν μεριστῷ καὶ ὃ ἐστὶν ἐν ἄλλῳ· τὸ δὲ οὔτε ἐν ἄλλῳ οὔτε ἐν μεριστῷ οὔτε οὕτως ἀμερές, ὡς τὸ μικρότατον· μέγιστον γὰρ ἀπάντων οὐ μεγέθει, ἀλλὰ δυνάμει, ὥστε καὶ τὸ ἀμέγεθες δυνάμει· ἐπεὶ καὶ τὰ μετ' αὐτὸ ὄντα ταῖς δυνάμεσιν ἀμέριστα καὶ ἀμερῇ, οὐ τοῖς ὄγκοις. Ληπτέον δὲ καὶ ἄπειρον αὐτὸν οὐ τῷ ἀδιεξιτήτῳ ἢ τοῦ μεγέθους ἢ τοῦ ἀριθμοῦ, ἀλλὰ τῷ ἀπεριλήπτῳ τῆς δυνάμεως. Ὅταν γὰρ ἂν αὐτὸν νοήσης οἷον ἢ νοῦν ἢ θεόν, πλεόν ἐστί· καὶ αὖ ὅταν αὐτὸν ἐνίσῃς τῇ διανοίᾳ, καὶ ἐνταῦθα πλεόν ἐστὶν ἢ ὅσον ἂν αὐτὸν ἐφαντάσθῃς εἰς τὸ ἐνικώτερον τῆς σῆς νοήσεως εἶναι· ἐφ' ἑαυτοῦ γὰρ ἐστὶν οὐδενὸς αὐτῷ συμβεβηκότος. Τῷ αὐτάρκει δ' ἂν τις καὶ τὸ ἐν αὐτοῦ ἐνθυμηθεῖ. Δεῖ μὲν γὰρ ἱκανώτατον ὄν· ἀπάντων καὶ αὐταρκέστατον, καὶ	6. Ну а каким образом мы называем его единым и каким образом должно мышлением приладиться к нему? Оно-то признаваемо единым преизбыточнее, нежели как едины единица и точка. Ведь тут-то душа, отринув величину и присущее числу множество, заканчивает наименьшим и опирается на нечто хотя и нераздельное, но то, кое было в делимом и кое есть в ином; "то" же — ни в ином¹¹, ни в делимом, ни нераздельно так, как наименьшее; ибо оно — наибольшее из всех не по величине, а по силе, так что по силе и отсутствие у него величины, коль скоро и те, кои суть после него, — неделимые и нераздельные по силам, а не по массам. Должно же считать его¹² и бесконечным не благодаря неизмеримости величины или числа, а благодаря необъятности силы. Ибо когда бы ты ни помыслил его как ум или бога, он преизбыточнее их; и опять-таки когда бы ты его ни воссоединил мыслью, и 'тут он преизбыточнее, нежели тот, каким бы ты его вообразил, в бытии более единым, чем твое мышление; ибо он есть сам пй себе и нет ничего к нему привходящего. А по его самодовлению кто-либо мог бы осмыслить и его единство. Ведь, будучи из всех самым предостаточным и самым самодовлеющим, "то" должно быть также и самым ненуждающимся; а все многое — также и

ἀνευδεέστατον εἶναι· πᾶν δὲ πολὺ καὶ μὴ ἐν ἐνδεές - μὴ ἐν ἐκ πολλῶν γενόμενον.

Δεῖται οὖν αὐτοῦ ἡ οὐσία ἐν εἶναι. Τὸ δὲ οὐ δεῖται ἑαυτοῦ· αὐτὸ γάρ ἐστι.

Καὶ μὴν πολλὰ ὄν τοσούτων δεῖται, ὅσα ἔστι, καὶ ἕκαστον τῶν ἐν αὐτῷ μετὰ τῶν ἄλλων ὄν καὶ οὐκ ἐφ' ἑαυτοῦ, ἐνδεές τῶν ἄλλων ὑπάρχον, καὶ καθ' ἐν καὶ κατὰ τὸ ὅλον τὸ τοιοῦτον ἐνδεές παρέχεται.

Εἴπερ οὖν δεῖ τι αὐταρκέστατον εἶναι, τὸ ἐν εἶναι δεῖ τοιοῦτον ὄν μόνον, οἷον μήτε πρὸς αὐτὸ μήτε πρὸς ἄλλο ἐνδεές εἶναι.

Οὐ γάρ τι ζητεῖ, ἵνα ᾗ, οὐδ' ἵνα εὖ ᾗ, οὐδὲ ἵνα ἐκεῖ ἰδρυθῇ. Τοῖς μὲν γὰρ ἄλλοις αἴτιον ὄν οὐ παρ' ἄλλων ἔχει ὃ ἐστι, τό τε εὖ τί ἂν εἴη αὐτῷ ἕξω αὐτοῦ;

Ὡστε οὐ κατὰ συμβεβηκὸς αὐτῷ τὸ εὖ· αὐτὸ γάρ ἐστι.

Τόπος τε οὐδεὶς αὐτῷ· οὐ γὰρ δεῖται ἰδρύσεως ὥσπερ αὐτὸ φέρειν οὐ δυνάμενον, τό τε ἰδρυθησόμενον ἄψυχον καὶ ὄγκος πίπτων, ἐὰν μήπω ἰδρυθῇ.

Ἰδρυται δὲ καὶ τὰ ἄλλα διὰ τοῦτον, δι' ὃν ὑπέστη ἅμα καὶ ἔσχεν εἰς ὃν ἐτάχθη τόπον· ἐνδεές δὲ καὶ τὸ τόπον ζητοῦν.

нуждающееся, пока оно не стало единым из многого.

Потому-то его сущность нуждается в том, чтобы быть единым. "То" же не нуждается в самом себе: ведь оно есть оно само.

Ну конечно, то, что есть многое, нуждается в стольких, сколько оно являет собой; и каждое из тех, что в нем, будучи вместе с другими, а не само по себе, и существуя как нуждающееся в других, делает таковое нуждающимся и порознь, и в целом.

Посему раз уж должно быть нечто самое самодовлеющее, то это должно быть единое, кое одно только есть таковое, что оно не есть нуждающееся ни в отношении самого себя, ни в отношении другого.

Ибо оно не требует чего-либо ни для того, чтобы быть, ни для того, чтобы быть благим, ни для того, чтобы иметь там опору. Ведь, будучи для других причиной, оно не от других имеет то, что оно есть; да и чем могло бы быть для него благо вне его?

Так что благо не привходяще к нему: ведь "то" есть оно само.

И нет никакого места для него; ибо не нуждается в опоре оно, как бы не могущее поддерживать самого себя; да и то, что должно иметь опору, — бездушное и масса падающая, если еще не имеет опоры.

Ну а другие имеют опору благодаря ему-то, благодаря коему они одновременно и стали существующими, и обрели место, к которому были пристроены; ну а то, что требует места, — нуждающееся.

Ἀρχὴ δὲ οὐκ ἐνδεὲς τῶν μετ' αὐτό·
ἢ δ' ἀπάντων ἀρχὴ ἀνενδεὲς
ἀπάντων.

Ὅτι γὰρ ἐνδεὲς, ἐφιέμενον ἀρχῆς
ἐνδεὲς· εἰ δὲ τὸ ἐν ἐνδεὲς του, ζητεῖ
δηλονότι τὸ μὴ εἶναι ἕν· ὥστε
ἐνδεὲς ἔσται τοῦ φθεροῦντος· πᾶν
δὲ ὃ ἂν λέγεται ἐνδεὲς, τοῦ εὖ καὶ
τοῦ σώζοντος ἔστιν ἐνδεὲς.

Ὅστε τῷ ἐνὶ οὐδὲν ἀγαθόν ἔστιν·
οὐδὲ βούλησις τοίνυν οὐδενός·
ἀλλ' ἔστιν ὑπεράγαθον καὶ αὐτὸ
οὐχ ἑαυτῷ, τοῖς δὲ ἄλλοις ἀγαθόν,
εἴ τι αὐτοῦ δύναται
μεταλαμβάνειν.

Οὐδὲ νόησις, ἵνα μὴ ἑτερότης· οὐδὲ
κίνησις· πρὸ γὰρ κινήσεως καὶ πρὸ
νοήσεως.

Τί γὰρ καὶ νοήσει; ἑαυτόν; Πρὸ
νοήσεως τοίνυν ἀγνοῶν ἔσται, καὶ
νοήσεως δεήσεται, ἵνα γνῶ ἑαυτόν
ὁ αὐτάρκης ἑαυτῷ.

Οὐ τοίνυν, ὅτι μὴ γινώσκει μηδὲ
νοεῖ ἑαυτόν, ἀγνοία περὶ αὐτόν
ἔσται· ἢ γὰρ ἀγνοία ἑτέρου ὄντος
γίνεται, ὅταν θάτερον ἀγνοῇ
θάτερον· τὸ δὲ μόνον οὔτε
γινώσκει, οὔτε τι ἔχει ὁ ἀγνοεῖ, ἐν
δὲ ὄν συνὸν αὐτῷ οὐ δεῖται
νοήσεως ἑαυτοῦ.

Ἐπεὶ οὐδὲ τὸ συνεῖναι δεῖ
προσάπτειν, ἵνα τηρῆς τὸ ἐν, ἀλλὰ
καὶ τὸ νοεῖν καὶ τὸ συνιέναι
ἀφαιρεῖν καὶ ἑαυτοῦ νόησιν καὶ
τῶν ἄλλων· οὐ γὰρ κατὰ τὸν

Начало же — не нуждающееся в
тех, кои после него; а начало всех
— не нуждающееся во всех.

Ведь то, что есть нуждающееся, —
нуждающееся как стремящееся к
началу; если же единое —
нуждающееся в чем-то, то оно,
очевидно, добивается не быть
единым; так что оно будет
нуждающимся в разрушителе; но
все, что ни называлось бы
нуждающимся, есть нуждающееся в
благе и хранителе.

Так что для единого нет никакого
блага; и, стало быть, у него нет
желания чего-либо; но оно есть
сверхблаго, и оно — благо не для
самого себя, а для других, если
нечто может участвовать в нем.

У него нет ни мышления, дабы не
было инаковости; ни движения:
ведь оно прежде движения и
прежде мышления.

Ибо что ему и помыслить? Самого
себя? Стало быть, прежде
мышления будет незнающим и
будет нуждаться в мышлении, дабы
познать самого себя, довлеющий
самому себе.

Однако при нем не будет незнания
из-за того, что он ни познает, ни
мыслит самого себя; ибо незнание
происходит оттого, что есть иное,
когда одно не знает другое; но "то"
только одно ни познает, ни имеет
нечто, чего не знает, но, будучи
единым и соприсутствуя самому
себе, оно не нуждается в
мышлении самого себя.

Впрочем, и соприсутствие не
следует приписывать ему, дабы
сохранить единство, но следует
исключать и мышление, и
соприсутствие, и мышление самого
себя, и — других; ведь его следует

νοοῦντα δεῖ τάττειν αὐτόν, ἀλλὰ μᾶλλον κατὰ τὴν νόησιν. Νόησις δὲ οὐ νοεῖ, ἀλλ' αἰτία τοῦ νοεῖν ἄλλω· τὸ δὲ αἷτιον οὐ ταῦτόν τῳ αἰτιατῶ. Τὸ δὲ πάντων αἷτιον οὐδέν ἐστιν ἐκείνων. Οὐ τοίνυν οὐδὲ ἀγαθὸν λεκτέον τοῦτο, ὃ παρέχει, ἀλλὰ ἄλλως τὰγαθὸν ὑπὲρ τὰ ἄλλα ἀγαθά.	ставить не в соответствие мыслящему, а, скорее, в соответствие мышлению. Мышление же не мыслит, но для другого оно — причина мышления; а причина не тождественна причиненному. Причина же всех сущих не есть ни одно из них. Итак, это должно быть названо не тем благом, коим наделяет, а благом по-иному — превыше других благ.
[7] Εἰ δ' ὅτι μηδὲν τούτων ἐστίν, ἀοριστεῖς τῇ γνώμῃ, στήσον σαυτὸν εἰς ταῦτα, καὶ ἀπὸ τούτων θεῶ· θεῶ δὲ μὴ ἔξω ρίπτων τὴν διάνοιαν. Οὐ γὰρ κεῖταί που ἐρημῶσαν αὐτοῦ τὰ ἄλλα, ἀλλ' ἔστι τῳ δυναμένῳ θίγειν ἐκεῖ παρόν, τῳ δ' ἀδυνατοῦντι οὐ πάρεστιν. Ὡς περ δὲ ἐπὶ τῶν ἄλλων οὐκ ἔστι τι νοεῖν ἄλλο νοοῦντα καὶ πρὸς ἄλλω ὄντα, ἀλλὰ δεῖ μηδὲν προσάπτειν τῳ νοουμένῳ, ἵν' ἡ αὐτὸ τὸ νοούμενον, οὕτω δεῖ καὶ ἐνταῦθα εἰδέναί, ὡς οὐκ ἔστιν ἄλλου ἔχοντα ἐν τῇ ψυχῇ τύπον ἐκεῖνο νοῆσαι ἐνεργοῦντος τοῦ τύπου, οὐδ' αὖ ἄλλοις κατειλημμένην τὴν ψυχὴν καὶ κατεχομένην τυπωθῆναι τῳ τοῦ ἐναντίου τύπῳ, ἀλλ' ὥς περ περὶ τῆς ὕλης λέγεται, ὡς ἄρα ἄποιον εἶναι δεῖ πάντων, εἰ μέλλει δέχεσθαι τοὺς πάντων τύπους, οὕτω καὶ πολὺ μᾶλλον ἀνείδεον τὴν ψυχὴν γίνεσθαι, εἰ μέλλει μηδὲν ἐμπόδιον ἐγκαθήμενον	7. Если же из-за того, что оно не есть ни одно из этих сущих, ты помыслом пребываешь в неопределенности, то останови себя на этих и с этих созерцай; но созерцай, не разбрасывая мысль вовне. Ибо оно не располагается где-то, оставив другие вещи без самого себя, но для могущего коснуться его есть всегда¹³ присутствующее, для не могущего же не присутствует. А как при других обстоятельствах невозможно мыслить нечто мыслящему другое и обращенному к другому, но не следует ничего прибавлять к мыслимому, дабы мыслимое было само собой, так и здесь следует знать, что имеющему в душе образ чего-то другого невозможно помыслить "то", пока образ действен, и что опять-таки душе, оттесненной и удерживаемой другими вещами, невозможно запечатлеть образ противоположного; но как о материи говорится, что-де ей необходимо быть лишенной всех качеств, раз она должна принимать образы всех вещей, так и гораздо более необходимо душе становиться безвидной, раз не должно быть никакого таящегося в ней препятствия к ее наполнению и сиянию первоприродой.

ἔσεσθαι πρὸς πλήρωσιν καὶ ἔλλαμψιν αὐτῇ τῆς φύσεως τῆς πρώτης. Εἰ δὲ τοῦτο, πάντων τῶν ἔξω ἀφεμένην δεῖ ἐπιστραφῆναι πρὸς τὸ εἶσω πάντα, μὴ πρὸς τι τῶν ἔξω κεκλίσθαι, ἀλλὰ ἀγνοήσαντα τὰ πάντα καὶ πρὸ τοῦ μὲν τῇ διαθέσει, τότε δὲ καὶ τοῖς εἶδεσιν, ἀγνοήσαντα δὲ καὶ αὐτὸν ἐν τῇ θεᾷ ἐκείνου γενέσθαι, καὶ κείνῳ συγγενόμενον καὶ ἱκανῶς οἶον ὁμιλήσαντα ἢ κειν ἀγγέλλοντα, εἰ δύναίτο, καὶ ἄλλῳ τὴν ἐκεῖ συνουσίαν· οἷαν ἴσως καὶ Μίνως ποιούμενος ὁ αἰσθητῆς τοῦ Διὸς ἐφημίσθη εἶναι, ἧς μεμνημένος εἰδῶλα αὐτῆς τοὺς νόμους ἐτίθει τῇ τοῦ θεοῦ ἐπαφῇ εἰς νόμων πληρούμενος θέσιν. Ἦ καὶ τὰ πολιτικὰ οὐκ ἄξια αὐτοῦ νομίσας ἀεὶ ἐθέλει μένειν ἄνω, ὅπερ καὶ τῷ πολὺ ἰδόντι γένοιτο ἄν πάθημα. Οὐδενός φησὶν ἐστὶν ἔξω, ἀλλὰ πᾶσι σύνεστιν οὐκ εἰδόσι. Φεύγουσι γὰρ αὐτοὶ αὐτοῦ ἔξω, μᾶλλον δὲ αὐτῶν ἔξω. Οὐ δύνανται οὖν ἐλεῖν ὃν πεφεύγασιν, οὐδ' αὐτοὺς ἀπολωλεκότες ἄλλον ζητεῖν, οὐδέ γε παῖς αὐτοῦ ἔξω ἐν μανίᾳ γεγεννημένος εἰδήσει τὸν πατέρα· ὁ δὲ μαθὼν ἑαυτὸν εἰδήσει καὶ ὁπόθεν.	Если же это так, то следует всецело обратиться душой, отрешенной от всего того, что вовне, к тому, что внутри, не клониться к чему-либо из того, что вовне, но, презрев все вещи, хотя и до этого по чувственному восприятию их, но тогда-то и по их эйдосам, презрев даже самого себя, в созерцании стать "того"¹⁴ и, сойдясь с "тем" и как бы пообщавшись достаточно, прийти возвестить, если это возможно, и другому о тамошнем общении, быть может, добиваясь которого и Минос прослыл собеседником Зевса¹⁵ и вспоминая которое он устанавливал законы как его отображения, будучи прикосновением божественного подвигнут к установлению законов. А то и, сочтя государственные дела недостойными себя, кто-то желает всегда пребывать вверху, каковое побуждение могло бы оказаться и у того, кто многое узрел. "То", говорит¹⁶, не есть вне чего-либо, но присутствует всем не ведающим этого. Ибо они сами бегут вон от него, а вернее, вон от самих себя. Поэтому они не могут ни схватить того, от коего убежали, ни, потерявши самих себя, искать другого; право, и сын, в безумии будучи вне себя, не узнает отца; но тот, кто изучил самого себя, узнает и то, откуда он.
[8] Εἴ τις οὖν ψυχὴ οἶδεν ἑαυτὴν τὸν ἄλλον χρόνον, καὶ οἶδεν ὅτι ἡ κίνησις αὐτῆς οὐκ εὐθεῖα, ἀλλ' ἢ	8. Ну а если какая-то душа знает саму себя в другое время и знает, что ее движение не прямолинейное, ну разве лишь

ὅταν κλάσιν λάβῃ, ἡ δὲ κατὰ φύσιν κίνησις οἷα ἢ ἐν κύκλῳ περὶ τι οὐκ ἔξω, ἀλλὰ περὶ κέντρον, τὸ δὲ κέντρον ἀφ' οὗ ὁ κύκλος, κινήσεται περὶ τοῦτο, ἀφ' οὗ ἐστὶ, καὶ τούτου ἀναρτήσεται συμφέρουσα ἑαυτὴν πρὸς τὸ αὐτό, πρὸς ὃ ἐχρῆν μὲν πάσας, φέρονται δὲ αἱ θεῶν ἀεὶ πρὸς ὃ φερόμεναι θεοὶ εἰσι.

Θεὸς γὰρ τὸ ἐκείνῳ συνημμένον, τὸ δὲ πόρρω ἀφιστάμενον ἄνθρωπος ὁ πολὺς καὶ θηρίον.

Τὸ οὖν τῆς ψυχῆς οἷον κέντρον τοῦτο ἐστὶ τὸ ζητούμενον;

Ἦ ἄλλο τι δεῖ νομίσαι, εἰς ὃ πάντα οἷον κέντρα συμπίπτει;

Καὶ ὅτι ἀναλογίᾳ τὸ κέντρον τοῦδε τοῦ κύκλου;

Οὐδὲ γὰρ οὕτω κύκλος ἡ ψυχὴ ὡς τὸ σχῆμα, ἀλλ' ὅτι ἐν αὐτῇ καὶ περὶ αὐτὴν ἡ ἀρχαία φύσις, καὶ ὅτι ἀπὸ τοιούτου, καὶ ἔτι μᾶλλον καὶ ὅτι χωρισθεῖσαι ὅλαι.

Νῦν δέ, ἐπεὶ μέρος ἡμῶν κατέχεται ὑπὸ τοῦ σώματος, οἷον εἴ τις τοὺς πόδας ἔχοι ἐν ὕδατι, τῷ δ' ἄλλῳ σώματι ὑπερέχοι, τῷ δὲ μὴ βαπτισθέντι τῷ σώματι ὑπεράραντες, τούτῳ συνάπτομεν κατὰ τὸ ἑαυτῶν κέντρον τῷ οἷον πάντων κέντρῳ, καθάπερ τῶν μεγίστων κύκλων τὰ κέντρα τῷ τῆς σφαίρας τῆς περιεχούσης κέντρῳ, ἀναπαύομενοι.

Εἰ μὲν οὖν σωματικοὶ ἦσαν, οὐ ψυχικοὶ κύκλοι, τοπικῶς ἂν τῷ κέντρῳ συνῆπτον καὶ που

тогда, когда бы оно претерпело отклонение, свойственное же ей по природе движение такое, как движение по кругу не вокруг чего-то вовне, а вокруг центра, центр же — то, от чего происходит круг, то она будет двигаться вокруг этого, от коего происходит, и будет зависеть от этого, привлекая себя к тому самому, к коему пристало влечься всем душам, души же богов влекутся всегда, и к коему будучи влекомы они суть боги. Ибо бог — то, что соединено с тем, а то, что отстоит далеко, — заурядный человек и зверь.

Ну а этот как бы центр души есть ли искомое?

Или следует признать нечто другое, в чем все как бы центры совпадают?

И признать, что это — “центр” по аналогии со здешним кругом?

И не оттого, что душа — круг так, как фигура, но потому, что в ней и вокруг нее древняя природа¹⁷, и потому, что она происходит от “такового”, а еще более и потому, что души отделены целиком.

Ныне же, когда часть нас удерживается телом, как если бы кто-то держал ноги в воде, остальным же телом вздымался, мы, поднявшись кверху тем-то, что не притоплено телом, этим-то соприкасаемся в центре самих себя с как бы центром всего так же, как центры наибольших кругов соприкасаются с центром объемлющей сферы, и отдыхаем.

Ну а если бы круги были телесными, а не душевными, то они пространственно соприкасались бы с центром и, раз центр расположен

κειμένου τοῦ κέντρου περὶ αὐτὸ ἄν
ἦσαν· ἐπεὶ δὲ αὐταὶ τε αἱ ψυχαὶ
νοηταί, ὑπὲρ νοῦν τε ἐκείνο,
δυνάμεσιν ἄλλαις, ἣ πέφυκε τὸ
νοοῦν πρὸς τὸ κατανοούμενον
συνάπτειν, οἷητέον τὴν συναφὴν
γίνεσθαι καὶ πλεόνως τὸ νοοῦν
παρεῖναι ὁμοιότητι καὶ ταυτότητι
καὶ συνάπτειν τῷ συγγενεῖ
οὐδενὸς διείργοντος.

Σώμασι μὲν γὰρ σώματα κωλύεται
κοινωνεῖν ἀλλήλοις, τὰ δὲ
ἄσώματα σώμασιν οὐ διείργεται·
οὐδ' ἀφύστηκε τοίνυν ἀλλήλων
τόπω, ἑτερότητι δὲ καὶ διαφορᾷ·
ὅταν οὖν ἡ ἑτερότης μὴ παρῇ,
ἀλλήλοις τὰ μὴ ἕτερα πάρεσθιν.
Ἐκείνο μὲν οὖν μὴ ἔχον ἑτερότητα
ἀεὶ πάρεσθιν, ἡμεῖς δ' ὅταν μὴ
ἔχωμεν· κἀκεῖνο μὲν ἡμῶν οὐκ
ἐφίεται, ὥστε περὶ ἡμᾶς εἶναι,
ἡμεῖς δὲ ἐκείνου, ὥστε ἡμεῖς περὶ
ἐκεῖνο.

Καὶ ἀεὶ μὲν περὶ αὐτό, οὐκ ἀεὶ δὲ
εἰς αὐτὸ βλέπομεν, ἀλλ' οἷον χορὸς
ἐξάδων καίπερ ἔχων περὶ τὸν
κορυφαῖον τραπείῃ ἄν εἰς τὸ ἕξω
τῆς θέας, ὅταν δὲ ἐπιστρέψῃ, ᾄδει
τε καλῶς καὶ ὄντως περὶ αὐτὸν
ἔχει, οὕτω καὶ ἡμεῖς ἀεὶ μὲν περὶ
αὐτόν, καὶ ὅταν μὴ, λύσις ἡμῖν
παντελὴς ἔσται καὶ οὐκέτι
ἐσόμεθα· οὐκ ἀεὶ δὲ εἰς αὐτόν, ἀλλ'
ὅταν εἰς αὐτόν ἴδωμεν, τότε ἡμῖν
τέλος καὶ ἀνάπαυλα καὶ τὸ μὴ
ἀπάδειν χορεύουσιν ὄντως περὶ
αὐτόν χορείαν ἔνθεον.

где-то, были бы вокруг него; но
коль скоро и сами души
умопостигаемы, и "то" превыше
ума, должно полагать, что
соприкосновение происходит
благодаря другим силам так, как
мыслящему прирождено
соприкасаться с мыслимым, и что
мыслящее преизбыточнее
присутствует благодаря подобию и
тождеству и соприкасается со
сродным ему так, что их ничто не
разделяет.

Ибо тела удерживаются телами от
соединения друг с другом,
бестелесные же природы телами не
разделяются; и они, стало быть,
отделены друг от друга не местом,
а инаковостью и различием;
поэтому, когда инаковость не
присутствует, те, что не-иные,
присутствуют друг с другом.
Ну а "то", не имея инаковости,
всегда присутствует, мы же при
нем, когда не имеем ее; и "то" не
домогается нас, дабы быть вокруг
нас, мы же домогаемся "того", дабы
нам быть вокруг "того".

И мы всегда вокруг него, но не
всегда на него взираем; а как
поочередно поющий¹⁸ хор, хотя и
держась вокруг предводителя, мог
бы повернуться к тому, что вне
зрелища его, когда же обращен к
нему, и поет ладно и Держится
действительно вокруг него, так и
мы всегда вокруг "самого" (а если
нет — нас постигнет полное
разложение и нас уже не будет), но
не всегда взираем на него; но
когда мы взираем на него, тогда
нам доступны цель и
отдохновение¹⁹ и мы без
разноголосицы водим
действительно вокруг него
боговдохновенный хоровод.

[9] Ἐν δὲ ταύτῃ τῇ χορείᾳ καθορᾷ πηγὴν μὲν ζωῆς, πηγὴν δὲ νοῦ, ἀρχὴν ὄντος, ἀγαθοῦ αἰτίαν, ῥίζαν ψυχῆς· οὐκ ἐκχεομένων ἀπ' αὐτοῦ, εἴτ' ἐκείνον ἐλαττούντων· οὐ γὰρ ὄγκος· ἢ φθαρτὰ ἂν ἦν τὰ γεννώμενα.

Νῦν δ' ἐστὶν αἰδία, ὅτι ἡ ἀρχὴ αὐτῶν ὡσαύτως μένει οὐ μεμερισμένη εἰς αὐτά, ἀλλ' ὅλη μένουσα.

Διὸ κακεῖνα μένει· οἷον εἰ μένοντος ἡλίου καὶ τὸ φῶς μένει.

Οὐ γὰρ ἀποτετμήμεθα οὐδὲ χωρὶς ἐσμεν, εἰ καὶ παρεμπεσοῦσα ἡ σώματος φύσις πρὸς αὐτὴν ἡμᾶς εἴλκυσεν, ἀλλ' ἐμπνέομεν καὶ σωζόμεθα οὐ δόντος, εἴτ' ἀποστάντος ἐκείνου, ἀλλ' ἀεὶ χορηγοῦντος ἕως ἂν ἡ ὅπερ ἐστί. Μᾶλλον μέντοι ἐσμὲν νεύσαντες πρὸς αὐτὸ καὶ τὸ εὖ ἐνταῦθα, τὸ <δὲ> πόρρω εἶναι μόνον καὶ ἥττον εἶναι.

Ἐνταῦθα καὶ ἀναπαύεται ψυχὴ καὶ κακῶν ἕξω εἰς τὸν τῶν κακῶν καθαρὸν τόπον ἀναδραμοῦσα· καὶ νοεῖ ἐνταῦθα, καὶ ἀπαθὴς ἐνταῦθα. Καὶ τὸ ἀληθῶς ζῆν ἐνταῦθα· τὸ γὰρ νῦν καὶ τὸ ἄνευ θεοῦ ἵχνος ζωῆς ἐκείνην μιμούμενον, τὸ δὲ ἐκεῖ ζῆν ἐνέργεια μὲν νοῦ· ἐνέργεια δὲ καὶ γεννᾷ θεοὺς ἐν ἡσυχῇ τῇ πρὸς ἐκεῖνο ἐπαφῇ, γεννᾷ δὲ κάλλος, γεννᾷ δικαιοσύνην, ἀρετὴν γεννᾷ. Ταῦτα γὰρ κύει ψυχὴ πληρωθεῖσα θεοῦ, καὶ τοῦτο αὐτῇ ἀρχὴ καὶ

9. А тот, кто в этом хороводе, узревает источник жизни и источник ума, начало сущего, причину блага, корень души: не так, что те²⁰ изливаются из "самого" и затем того умаляют; ведь они²¹ - не масса, иначе его порождения были бы бренными.

Однако же они вечны, потому что неизменно пребывает их начало, не раздробленное на них, а пребывающее целым.

Поэтому и те пребывают; как, если пребывает солнце, и свет пребывает.

Ведь мы не отрезаны от "того" и не существуем отдельно, хотя и затесавшаяся природа тела к самой себе притянула нас, но мы дышим и сохраняемся не потому, что "то" дало, затем отстранилось, а потому, что оно всегда оделяет, пока будет тем, что оно есть.

Однако мы есми в большей степени, склонившись к нему, и благо — здесь, бытие же вдали от него есть лишь бытие в меньшей степени.

Здесь душа и отдыхает, и вне зол, взбежав в чистое от зол место; и мыслит здесь, и бесстрастна здесь. И истинная жизнь здесь; ибо эта, что ныне, и эта, что без бога, — след жизни, той подражающий, а жизнь там — деятельность ума; деятельность же и порождает богов в безмятежном прикосновении к "тому", и порождает красоту, порождает справедливость, добродетель порождает.

Ведь этих-то вынашивает душа, оплодотворенная богом, и это для нее начало и конец: начало,

τέλος· ἀρχὴ μὲν, ὅτι ἐκεῖθεν, τέλος δέ, ὅτι τὸ ἀγαθὸν ἐκεῖ. Καὶ ἐκεῖ γενομένη γίγνεται αὐτὴ καὶ ὅπερ ἦν· τὸ γὰρ ἐνταῦθα καὶ ἐν τούτοις ἔκπτωσις καὶ φυγὴ καὶ πτερορρύησις. Δηλοῖ δὲ ὅτι τὸ ἀγαθὸν ἐκεῖ καὶ ὁ ἔρως ὁ τῆς ψυχῆς ὁ σύμφυτος, καθὸ καὶ συνέζευκται Ἔρως ταῖς Ψυχαῖς καὶ ἐν γραφαῖς καὶ ἐν μύθοις. Ἐπεὶ γὰρ ἕτερον θεοῦ ἐκείνου, ἐξ ἐκείνου δέ, ἐρᾷ αὐτοῦ ἐξ ἀνάγκης. Καὶ οὕσα ἐκεῖ τὸν οὐράνιον Ἔρωτα ἔχει, ἐνταῦθα δὲ πάνδημος γίγνεται· καὶ γὰρ ἐστὶν ἐκεῖ Ἀφροδίτη οὐρανία, ἐνταῦθα δὲ γίγνεται πάνδημος οἶον ἐταιρισθεῖσα. Καὶ ἔστι πᾶσα ψυχὴ Ἀφροδίτη· καὶ τοῦτο αἰνίττεται καὶ τὰ τῆς Ἀφροδίτης γενέθλια καὶ ὁ Ἔρως ὁ μετ' αὐτῆς γενόμενος. Ἐρᾷ οὖν κατὰ φύσιν ἔχουσα ψυχὴ θεοῦ ἐνωθῆναι θέλουσα, ὥσπερ παρθένος καλοῦ πατρὸς καλὸν ἔρωτα. Ὅταν δὲ εἰς γένεσιν ἐλθοῦσα οἶον μνηστείασις ἀπατηθῇ, ἄλλον ἀλλαξαμένη θνητὸν ἔρωτα ἐρημία πατρὸς ὑβρίζεται· μισήσασα δὲ πάλιν τὰς ἐνταῦθα ὕβρεις ἀγνεύσασα τῶν τῆδε πρὸς τὸν πατέρα αὐτῆς στελλομένη εὐπαθεῖ. Καὶ οἷς μὲν ἄγνωστόν ἐστι τὸ πάθημα τοῦτο, ἐντεῦθεν ἐνθυμείσθω ἀπὸ τῶν ἐνταῦθα	потому что она оттуда, конец же — потому что благо там. И, оказавшись там, она становится самой собой и тем, чем была", ибо то, что тут и среди здешнего, — падение, и изгнание, и "потеря перьев"²². А то, что благо там, являет и любовь, врожденная душе, почему и сочетается Эрос с Психеями и на картинах, и в сказаниях Ведь коль скоро душа — отличное от бога, но от того происходит, то она любит его с необходимостью. И, будучи там, она обладает небесным Эросом, здесь же он становится низменным; и ведь там Афродита небесная, здесь же она становится низменной, как бы сделавшись блудницей²³. И всякая душа есть Афродита; и на это намекается в рассказе и о дне рождения Афродиты, и об Эросе, произошедшем вместе с ней²⁴. Ну а, держась согласно природе, душа любит бога, желая воссоединиться с ним, как девушка любит прекрасного отца прекрасной любовью. Когда же, вступив в становление, она обманута как бы сватовствами, то, сменив в отсутствие отца любовь на другую, смертную, она обещещивается; но, опять возненавидев здешние бесчестья и очистившись от того, что тут, она, отправляясь снова к отцу, блаженствует²⁵. А кому неведомо это переживание, пусть он рассудит отселе по здешним любовным страстям,
---	--

ἐρώτων, οἷόν ἐστι τυχεῖν ὧν τις
 μάλιστα ἐρᾷ, καὶ ὅτι ταῦτα μὲν τὰ
 ἐρώμενα θνητὰ καὶ βλαβερά καὶ
 εἰδῶλων ἐρωτες καὶ μεταπίπτει,
 ὅτι οὐκ ἦν τὸ ὄντως ἐρώμενον οὐδὲ
 τὸ ἀγαθὸν ἡμῶν οὐδ' ὃ ζητοῦμεν.

Ἐκεῖ δὲ τὸ ἀληθινὸν ἐρώμενον, ᾧ
 ἔστι καὶ συνεῖναι μεταλαβόντα
 αὐτοῦ καὶ ὄντως ἔχοντα, οὐ
 περιπτυσσόμενον σαρκὶν ἔξωθεν.
 Ὅστις δὲ εἶδεν, οἶδεν ὃ λέγω, ὡς ἡ
 ψυχὴ ζωὴν ἄλλην ἴσχει τότε καὶ
 προσιοῦσα καὶ ἤδη προσελθοῦσα
 καὶ μετασχοῦσα αὐτοῦ, ὥστε
 γινῶναι διατεθεῖσαν, ὅτι πάρεστιν
 ὁ χορηγὸς ἀληθινῆς ζωῆς, καὶ δεῖ
 οὐδενὸς ἔτι.

Τοῦναντίον δὲ ἀποθέσθαι τὰ ἄλλα
 δεῖ, καὶ ἐν μόνῳ στῆναι τούτῳ, καὶ
 τοῦτο γενέσθαι μόνον
 περικόψαντα τὰ λοιπὰ ὅσα
 περικείμεθα· ὥστε ἐξελεθεῖν
 σπεύδειν ἐντεῦθεν καὶ ἀγανακτεῖν
 ἐπὶ θάτερα δεδεμένους, ἵνα τῷ ὅλῳ
 αὐτῶν περιπτυξώμεθα καὶ μηδὲν
 μέρος ἔχοιμεν, ᾧ μὴ ἐφαπτόμεθα
 θεοῦ.

Ὅρᾳν δὲ ἔστιν ἐνταῦθα κάκεῖνον
 καὶ ἑαυτὸν ὡς ὁρᾳν θέμις· ἑαυτὸν
 μὲν ἡγλαϊσμένον, φωτὸς πλήρη
 νοητοῦ, μᾶλλον δὲ φῶς αὐτὸ
 καθαρὸν, ἀβαρῆ, κοῦφον, θεὸν
 γενόμενον, μᾶλλον δὲ ὄντα,
 ἀναφθέντα μὲν τότε, εἰ δὲ πάλιν
 βαρύνοιτο, ὥσπερ μαραινόμενον.

[10] Πῶς οὖν οὐ μένει ἐκεῖ; Ἥ
 ὅτι μήπω ἐξελήλυθεν ὁλος.

каково бывает достичь тех
 предметов, кои кто-либо любит
 больше всего, и что, однако, эти-
 то, кои любимы, смертны и
 вредоносны, и это любовь к
 отображениям, и что они
 изменяются, потому что они — ни
 то, что действительно любимо, ни
 наше благо, ни то, что мы ищем.
 Там же - истинное любимое (коему
 можно и соприсутствовать
 причастному к нему и
 действительно обладающему им),
 не облекаемое плотью извне.
 Всякий же, кто увидел, знает, что я
 говорю²⁶: что душа обретает тогда
 другую жизнь, и приближаясь, и
 уже подступившись и
 причастившись к нему, так что она
 расположена узнать, что
 присутствует устроитель истинной
 жизни и не нужно ничего больше.

Напротив же, нужно отложить
 другое и стоять на одном лишь этом
 и стать одним лишь этим, отсеки
 остальное, чем мы объемлемся;

так что нужно спешить изойти
 отсюда и возмущаться тем, что мы
 привязаны к иному, дабы всем
 существом нашим мы объяли того и
 не имели ни одной части, которой
 бы мы не соприкасались с богом.

Итак, кому-то можно видеть здесь и
 того, и себя самого, насколько
 дозволено видеть: себя самого —
 заблиставшим, преисполненным
 умопостигаемого света, скорее же
 самим светом, чистым, невесомым,
 легким, ставшим богом, скорее же
 им являющимся, вспыхнувшим
 тогда же, но, если он опять
 отягощается, как бы гаснущим.

10. Ну а почему он не остается
 там? Да потому, что он еще не
 отошел весь.

Ἔσται δὲ ὅτε καὶ τὸ συνεχὲς ἔσται
τῆς θεᾶς οὐκέτι ἐνοχλουμένῳ
οὐδεμίαν ἐνόχλησιν τοῦ σώματος.
Ἔστι δὲ τὸ ἑωρακὸς οὐ τὸ
ἐνοχλούμενον, ἀλλὰ τὸ ἄλλο, ὅτε
τὸ ἑωρακὸς ἀργεῖ τὴν θεάν οὐκ
ἀργοῦν τὴν ἐπιστήμην τὴν ἐν
ἀποδείξεσι καὶ πίστεσι καὶ τῷ τῆς
ψυχῆς διαλογισμῷ· τὸ δὲ ἰδεῖν καὶ
τὸ ἑωρακὸς ἐστὶν οὐκέτι λόγος,
ἀλλὰ μεῖζον λόγου καὶ πρὸ λόγου
καὶ ἐπὶ τῷ λόγῳ, ὥσπερ καὶ τὸ
ὁρώμενον.

Ἐαυτὸν μὲν οὖν ἰδὼν τότε, ὅτε ὁρᾷ,
τοιοῦτον ὄψεται, μᾶλλον δὲ αὐτῷ
τοιούτῳ συνέσται καὶ τοιοῦτον
αἰσθήσεται ἀπλοῦν γενόμενον.

Τάχα δὲ οὐδὲ "ὄψεται" λεκτέον, "τὸ
δὲ ὁφθέν", εἴπερ δεῖ δύο ταῦτα
λέγειν, τό τε ὁρῶν καὶ ὁρώμενον,
ἀλλὰ μὴ ἐν ἁμφῶ τολμηρὸς μὲν ὁ
λόγος.

Τότε μὲν οὖν οὔτε ὁρᾷ οὐδὲ
διακρίνει ὁ ὁρῶν οὐδὲ φαντάζεται
δύο, ἀλλ' οἷον ἄλλος γενόμενος
καὶ οὐκ αὐτὸς οὐδ' αὐτοῦ συντελεῖ
ἐκεῖ, κακείνου γενόμενος ἐν ἐστὶν
ὥσπερ κέντρῳ κέντρον συνάψας.

Καὶ γὰρ ἐνταῦθα συνελθόντα ἓν
ἐστι, τό τε δύο, ὅταν χωρίς.

Οὕτω καὶ ἡμεῖς νῦν λέγομεν
ἕτερον. Διὸ καὶ δύσφραστον τὸ
θέαμα· πῶς γὰρ ἂν ἀπαγγεῖλει
τις ὡς ἕτερον οὐκ ἰδὼν ἐκεῖ ὅτε
ἐθεᾶτο ἕτερον, ἀλλὰ ἐν πρὸς
ἑαυτόν;

Но станется же, когда и
непрерывность созерцания будет у
не стесняемого уже никакой
докучивостью тела.

Стесняемое же есть не увидевшее,
а другое, кое, когда увидевшее
отдыхает от созерцания, не
отдыхает от научного познания,
каковое — в доказательствах, и
удостоверениях, и в рассуждении
души; узрение же и увидевшее
есть уже не рассудок, а
превосходнее рассудка, и прежде
рассудка, и сверх рассудка, как и
видимое.

Так вот, узревающий себя самого
будет тогда, когда он видит, видеть
себя таким, скорее же, он будет
соприсутствовать себе такому и
воспринимать себя таким —
ставшим простым.

А пожалуй, и не следует говорить
<тот будет видеть>, а то —
"увиденное", раз уж приходится
говорить об этих как о двух:
видящем и видимом, а не об обоих
как об одном; правда, такая речь
смела.

Так вот, тогда видящий и не видит,
и не различает, и не представляет
себе двух, а, словно став другим,
он, и не сам, и не свой, относится
туда, и, став "того", он есть единое,
как бы совместив центр с центром.

И ведь здесь центры суть единое,
совпав, и — двоица, когда они
порознь.

Так и мы ныне называем "то" иным.
Потому-то и трудновыразимо
зрелище. Ведь как кто-либо смог
бы поведать о "том" как ином,
узрев там, когда он созерцал, не
иное, а единое с собой самим?

[11] Τοῦτο δὴ ἐθέλον δηλοῦν τὸ τῶν μυστηρίων τῶνδε ἐπίταγμα, τὸ μὴ ἐκφέρειν εἰς μὴ μεμνημένους, ὥς οὐκ ἔκφορον ἐκεῖνο ὄν, ἀπεῖπε δηλοῦν πρὸς ἄλλον τὸ θεῖον, ὅτῳ μὴ καὶ αὐτῷ ἰδεῖν εὐτύχηται.

Ἐπεὶ τοίνυν δύο οὐκ ἦν, ἀλλ' ἐν ἧν αὐτὸς ὁ ἰδὼν πρὸς τὸ ἐωραμένον, ὥς ἂν μὴ ἐωραμένον, ἀλλ' ἠνωμένον, ὃς ἐγένετο ὅτε ἐκείνῳ ἐμίγνυτο εἰ μεμνῶτο, ἔχοι ἂν παρ' ἑαυτῷ ἐκείνου εἰκόνα·

Ἦν δὲ ἐν καὶ αὐτὸς διαφορὰν ἐν αὐτῷ οὐδεμίαν πρὸς ἑαυτὸν ἔχων οὔτε κατὰ ἄλλα - οὐ γάρ τι ἐκινεῖτο παρ' αὐτῷ, οὐ θυμός, οὐκ ἐπιθυμία ἄλλου παρῆν αὐτῷ ἀναβεβηκότι - ἀλλ' οὐδὲ λόγος οὐδέ τις νόησις οὐδ' ὅλως αὐτός, εἰ δεῖ καὶ τοῦτο λέγειν.

Ἀλλ' ὥσπερ ἀρπασθεὶς ἡ ἐνθουσιάσας ἡσυχῇ ἐν ἐρήμῳ καὶ καταστάσει γεγένηται ἀτρεμεῖ, τῇ αὐτοῦ οὐσίᾳ οὐδαμῇ ἀποκλίνων οὐδὲ περὶ αὐτὸν στρεφόμενος, ἐστὼς πάντῃ καὶ οἶον στάσις γενόμενος.

Οὐδὲ τῶν καλῶν, ἀλλὰ καὶ τὸ καλὸν ἤδη ὑπερθέων, ὑπερβὰς ἤδη καὶ τὸν τῶν ἀρετῶν χορόν, ὥσπερ τις εἰς τὸ εἶσω τοῦ ἀδύτου εἰσδὺς εἰς τοῦπίσω καταλιπὼν τὰ ἐν τῷ νεῷ ἀγάλματα, ἃ ἐξελθόντι τοῦ ἀδύτου πάλιν γίνεται πρῶτα μετὰ τὸ ἔνδον θέαμα καὶ τὴν ἐκεῖ συνουσίαν πρὸς οὐκ ἄγαλμα οὐδὲ

11. Итак, имея целью выказать это, заповедь здешних мистерий “не разглашать непосвященным” запрещает (так как “то” есть не разглашаемое) раскрывать божественное другому, которому не выпало счастье и самому узреть.

Так как, следовательно, не было двух, но сам узревший был единым с увиденным, будто это было не увиденное, а воссоединенное, то если бы он вспомнил, каким он стал, когда соединился с “тем”, он мог бы иметь у себя образ “того”.

Был же единым и сам он, не имеющий в себе никакого отличия ни по отношению к самому себе, ни сообразно иному (ибо у него не двигалось что-либо, ни гнев, ни влечение к иному не были присущи ему, вознесшемуся), но ему не были присущи ни рассудок, ни какое-либо мышление, ни вообще он сам, если надобно говорить и это.

Но, словно восхищенный или безмятежно одержимый, он оказался в уединении и неподвижном состоянии — по своей сущности никуда не отклоняющийся и не занятый самим собой, совершенно покойный и как бы покоем ставший.

И ему не было присуще мышление прекрасного, но он был уже взметнувшимся и над красотой, возвысившимся уже и над хороводом добродетелей, совсем как некто, вошедший вовнутрь святилища и оставивший позади изваяния в храме, которые вышедшему из святилища опять предстают первыми после зрелища внутри и общения там не с изваянием и не с образом, а с

εἰκόνα, ἀλλὰ αὐτό· ἃ δὴ γίγνεται
δεύτερα θεάματα.

Τὸ δὲ ἴσως ἦν οὐ θέαμα, ἀλλὰ
ἄλλος τρόπος τοῦ ἰδεῖν, ἔκστασις
καὶ ἄπλωσις καὶ ἐπίδοσις αὐτοῦ
καὶ ἔφεσις πρὸς ἀφήν καὶ στάσις
καὶ περινόησις πρὸς ἐφαρμογήν,
εἶπερ τις τὸ ἐν τῷ ἀδύτῳ θεάσεται.
Εἰ δ' ἄλλως βλέποι, οὐδὲν αὐτῷ
πάρεστι.

Ταῦτα μὲν οὖν μιμήματα· καὶ τοῖς
οὖν σοφοῖς τῶν προφητῶν
αἰνίττεται, ὅπως θεὸς ἐκεῖνος
ὁρᾶται· σοφὸς δὲ ἱερεὺς τὸ αἰνίγμα
συνιεῖς ἀληθινὴν ἂν ποιοῖτο ἐκεῖ
γενόμενος τοῦ ἀδύτου τὴν θέαν.
Καὶ μὴ γενόμενος δὲ τὸ ἀδύτον
τοῦτο ἀόρατόν τι χρῆμα νομίσας
καὶ πηγὴν καὶ ἀρχήν, εἰδήσει ὡς
ἀρχὴ ἀρχὴν ὁρᾷ καὶ συγγίνεται
καὶ τῷ ὁμοίῳ τὸ ὅμοιον.

Οὐδὲν παραλιπὼν τῶν θείων ὅσα
δύναται ψυχὴ ἔχειν καὶ πρὸ τῆς
θέας, τὸ λοιπὸν ἐκ τῆς θέας
ἀπαιτεῖ· τὸ δὲ λοιπὸν τῷ
ὑπερβάντι πάντα τὸ ὅ ἐστι πρὸ
πάντων.

Οὐ γὰρ δὴ εἰς τὸ πάντῃ μὴ ὄν ἥξει
ἢ ψυχῆς φύσις, ἀλλὰ κάτω μὲν
βᾶσα εἰς κακὸν ἥξει, καὶ οὕτως εἰς
μὴ ὄν, οὐκ εἰς τὸ παντελὲς μὴ ὄν.
Τὴν ἐναντίαν δὲ δραμοῦσα ἥξει
οὐκ εἰς ἄλλο, ἀλλ' εἰς αὐτήν, καὶ
οὕτως οὐκ ἐν ἄλλῳ οὔσα «οὐκ» ἐν
οὐδενί ἐστιν, ἀλλ' ἐν αὐτῇ· τὸ δὲ ἐν
αὐτῇ μόνη καὶ οὐκ ἐν τῷ ὄντι ἐν
ἐκείνῳ· γίνεται γὰρ καὶ αὐτός τις
οὐκ οὐσία, ἀλλ' ἐπέκεινα οὐσίας

“самим”, и которые, стало быть,
оказываются последующими
зрелищами.

А то, пожалуй, — не зрелище, а
иной способ узрения: исступление,
и опрощение, и
самопожертвование²⁷, и
стремление к прикосновению, и
покой, и внимательность к
прилаживаний, раз уж некто будет
созерцать то, что в святилище.
Если же он зрит иначе, то ему
ничего не является.

Ну а эти зрелища — подобия; и
потому мудрым из прорицателей
они намекают, как тот бог зрится;
мудрый же жрец, уразумевший
намок, мог бы, оказавшись там в
святилище, сделать созерцание
истинным.

Но и не оказавшись там и признав
это святилище чем-то невидимым, и
источником, и началом, он будет
знать, что начало²⁸ зрит начало и
подобное соединяется с подобным.
И не пренебрегая ничем из
божественного, насколько душа
может обладать тем и прежде
созерцания, остального он требует
от созерцания; остальное же для
возвысившегося над всем — то, что
прежде всего.

Ведь же природа души не дойдет
до совершенно не-сущего, но,
спустившись вниз, она дойдет до
зла и, таким образом, до не-
сущего, но не до совершенного не-
сущего.

Устремившись же в
противоположном направлении,
она дойдет не до иного, а до самой
себя, и, таким образом, будучи не в
ином, она — не в “ничто”, а в самой
себе: только же в самой себе и не в
сущем — значит, “в том”; ведь
некто и сам становится не

ταύτη, ἣ προσομιλεῖ. Εἴ τις οὖν τοῦτο αὐτὸν γενόμενον ἴδοι, ἔχει ὁμοίωμα ἐκείνου αὐτόν, καὶ εἰ ἀφ' αὐτοῦ μεταβαίνοι ὡς εἰκὼν πρὸς ἀρχέτυπον, τέλος ἂν ἔχοι τῆς πορείας. Ἐκπίπτων δὲ τῆς θεας πάλιν ἐγείρας ἀρετὴν τὴν ἐν αὐτῷ καὶ κατανοήσας ἑαυτὸν ταύταις κεκοσμημένον πάλιν κουφισθήσεται δι' ἀρετῆς ἐπὶ νοῦν ἰὼν καὶ σοφίαν καὶ διὰ σοφίας ἐπ' αὐτό. Καὶ οὗτος θεῶν καὶ ἀνθρώπων θείων καὶ εὐδαιμόνων βίος, ἀπαλλαγὴ τῶν ἄλλων τῶν τῇδε, βίος ἀνήδονος τῶν τῇδε, φυγὴ μόνου πρὸς μόνον.	сущностью, а тем, что по ту сторону сущности²⁹, таким образом, каким он общается с “тем”. Ну а если некто узрит самого себя ставшим этим, то он обретает самого себя как подобие “того”, и если от самого себя перейдет он как образ к первообразу, то может достичь цели путешествия³⁰. Отпадая же от созерцания, он, опять пробудив добродетель, коя в нем самом, и помыслив себя украшенным этими добродетелями, опять станет легким, через добродетель восходя к уму и мудрости и через мудрость — к “самому”. И это — жизнь богов и людей божественных и счастливых, освобождение от иного, здешнего, жизнь без удовольствия от здешнего, бегство единственного к единственному.
---	---

Примечания

Перевод с древнегреческого выполнен по изданию Plotini Opera Ediderunt P. Henry et H.-R. Schwyzler Oxonn 1982 T 3 P 271-290 Учтены и исправления, предложенные Швицером (см Schn}zer H.-R Corrigenda ad Plotini textum// Muzeum Helveticum 1987 Vol 44 Fasc 3 P 202).

Не вдаваясь в анализ лексики трактата, стоит упомянуть лишь о некоторых терминах, применявшихся Плотинем для того, чтобы означить тайну высшего блага (tagathon) как единственно безусловного первоначала. Для этой цели Плотин употребил набор метафорических маркировок, и прежде всего - субстантивированное количественное числительное среднего рода to hen ("одно", или "единое") и субстантивированное порядковое числительное среднего рода to proton ("первое"). Кроме того, он использовал определительное местоимение ayto ("оно" само") и в особенности - указательное местоимение ekeino ("то"), которые употреблялись им в несобственном смысле, ибо "единое" невозможно определить как нечто и на него невозможно указать как на нечто (поэтому при переводе их - по мере надобности - оправданны кавычки). Вместе с тем средний род этих местоимений отнюдь не являлся для Плотина неизменным, напротив, иногда Плотин с легкостью переходил со среднего рода на мужской и обратно, хотя речь шла об одном и том же "предмете".

1. Т.е. что есть единое помимо сущего и ума.
2. См. Аристотель. Метафизика IV, 2, 1003 b, 26-27.
3. Ср. VI 9,1,3-14.
4. См. Платон. Пир 211b1.
5. Ср. Аристотель. Метафизика 1X,2,1046b7-8. Эту ссылку следовало бы добавить к "Индексу источников" в изданиях Анри и Швицера, где она отсутствует.
6. "Говорит", конечно же, Платон. См.: Платон. Письмо VII, 341 c5.
7. Поставив колон здесь и убрав его строкой ниже, Швицер (1987) "выправляет" пунктуацию по Хардеру.
8. В "большом издании" Анри и Швицера пропущена буква: вместо _____-а напечатано _____.
9. В изданиях Анри и Швицера, как "большом", так и "малом", пропущена отрицательная частица _____, и только в 1987 г. Швицер замечает этот очевидный пропуск.
10. Т.е. природу единого.
11. См.: Платон. Парменид 138a2-3.
12. "Его" — ootov. Здесь и далее в следующем предложении — один из тех "неожиданных" переходов со среднего рода на мужской, о которых говорится в преамбуле к переводу. Ср., например: VI 9,6,44-47.
13. Рукописное _____ либо допускает связку с _____, что грамматически является "lectio difficilior", либо может быть изменено в aet и связано с nafiov. Первый путь избирают Анри и Швицер (1973), второй — М.Пуэльма (см.: Puelma M. Vorshlage zu Plotin Enn. VI 9 (Пев? тоуовой ^ той evog) // Museum Helveti-cum. 1979. Vol. 36. Fasc. 2. S. 95-96) и вслед за ним Анри и Швицер (1982). Попытка ван Виндена "спасти" рукописное exeГ посредством новой интерпретации его в связке с nooov (см.: Winden J.C.M.van. Das exeГ in Plotin Enn. VI 9,7,4 // Museum Helvettcum. 1980. Vol. 37. Fasc. 1. S. 61-62) не

- слишком удачна, и возражения Пуэльмы против этой интерпретации так или иначе попадают в цель (см.: Puelma M. Zu Plotin Enn. VI 9. Bin Nachtrag // Museum Helveticum. 1980. Vol. 37. Fasc. 2. S. 133-134).
14. _____ (genetivus possessoris) _____. Cf. VI 9,10,16.
 15. См.: Гомер. Одиссея XIX, 178-179; [Платон]. Минос 319b5-6, d9.
 16. "Говорит" Платон в "Пармениде". См.: Платон. Парменид 138e4.
 17. Ср.: Платон. Тимей 90d5; Государство 611d2; Пир 192e9.
 18. Изящная конъектура М.Пуэльмы (_____), подкрепляемая правдоподобным палеографическим объяснением рукописного e^hooшy (см.: Puelma M. Zu Plotin Enn. VI 9. Ein Nachtrag // Museum Helveticum. 19'80. Vol. 37. Fasc. 2. S. 134), принимается Анри и Швицером в "малом издании" (1982).
 19. См.; Платон. Государство 532e3.
 20. Т.е. жизнь, ум, сущее, благо, душа.
 21. Вслед за Хардером Швицер (1987) считает подлежащим та _____, а не то _____.
 22. "Потеря перьев" (_____), или попросту "линька", предшествующая инкарнации души, описывается в платоновском "федре" (см.: Платон. Федр 246c2; 248c9), откуда этот образ и заимствуется Платином.
 23. Ср. Платон. Пир 180d8-e3.
 24. Ср. Платон. Пир 203c2-3.
 25. См. Платон. Федр 247d4.
 26. См. Павсаний I 37.4.
 27. То, что Марсилио Фичино переводит _____ как "et diffusio quaedam profectusque mirificus", может послужить одной из иллюстраций К пословице "И на старуху бывает проруха". Впрочем, вряд ли кто-либо даже из маститых переводчиков "Эннеад" осмелился бы поклясться, что для него лично пословицы такого рода не актуальны.
 28. Этот вариант ((_____, а не _____)' обнаруживаемый в одном только кодексе Q (Marcianus Graecus 242), принимается (вслед за Хардером) Швицером (1987).
 29. См.: Платон. Государство 509b9.
 30. См.: Платон. Государство 532e3.